

Виктор Точинов
Темные игры – 3 (сборник)

«Точинов Виктор»

2019

Точинов В. П.

Темные игры – 3 (сборник) / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2019

Человек может впутаться в необъяснимую историю со страшным финалом где угодно. И когда угодно. На Земле, и под землей, и даже в глубоком космосе. В наши дни, и в прошлом, и в будущем (которое, хочется надеяться, все же будет другим). Никогда не известно, чем может обернуться заурядный выезд на рыбалку или невинное желание устроить в старых штольнях «диггерский» пикник... А можно вообще не выходить из дома, от судьбы все равно не уйдешь, – за дверью послышатся тяжелые шаги и... «Шаги смолкли. У самой двери. Михаил снял пистолет с предохранителя, поднял оружие на уровень глаз. Секунда, другая, третья... Ничего не происходило. Затем из-за двери послышался еще один звук... Словно что-то мягко упало с небольшой высоты... Или кто-то небольшой мягко спрыгнул... Кот, например... Кот... Ключи от входа... Пульт управления воротами... Уверенные шаги сквозь темный дом прямо к его комнате... Все складывалось одно к одному. Складывалось в картину, которую мозг категорически не желал признавать».

© Точинов В. П., 2019

© Точинов Виктор, 2019

Содержание

Знают истину крысы	5
1. Наташа	5
2. Епифан	9
3. Наташа	12
4. Света	14
5. Мила	16
6. Леха	19
7. Наташа	21
8. Мила	22
Две точки зрения на переселение душ	23
1. Извне	23
2. Изнутри	29
Голубой квадрат неба	41
Пролог	41
Глава первая. Не прячьте ваши денежки по банкам и углам	42
Глава вторая. Не прячьте ваши денежки, иначе быть беде	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Виктор Точинов

Темные игры – 3

(сборник повестей и рассказов)

Знают истину крысы

Екатерине Кузнецовой посвящается

1. Наташа

Наташа подслушала, как парни решают: какую из девчонок убить и съесть.

Случилось это на восьмой день после гибели Стаса, а может и на девятый, – чувство времени под землей у нее сбилось, а если ориентироваться на чувство голода, так вообще минуло не меньше месяца.

Такая тема – кого съесть – уже возникала. Давно, когда у них оставались продукты. Когда никто не сомневался, что их ищут и скоро найдут.

Тогда они шутили, прикалывались: будем тянуть спички, но пусть Светка тянет два раза. Она обиделась и надулась. Не любила шутки про свою полноту. Они поржали. И над идеей со спичками, и над Светкой.

Время шуток прошло.

Сейчас двое парней всерьез выбирали, кому из троих девушек умереть... Без спичек, те давно закончились, а последнюю зажигалку берегли как зеницу ока. Вернее, не последнюю, но про вторую Наташа никому не сказала.

Она затаила дыхание. Так говорят образно, на деле же она дышала тихо, но глубоко и ровно. Если закашляет, а в последнее время кашель донимал все чаще, – облегчит парням задачу. Сделает за них нелегкий выбор. Они пока сомневались: кого? Обсуждали за и против.

– Милку, – сказал Леха. – она теперь бесхозная как бы. Не жалко.

– А ты знаешь, кто у нее папа? – спросил Епифан.

Епифан – не кличка. Имя, дебильное, как из сериала про старину, про гусаров и девиц в кринолинах. Но даже в исторических сериалах Епифанами зовут не гусаров. И уж тем более не девиц, а всяких чмошников. Дворников, или кучеров, или другую прислугу. И под землей это имя тоже носит полный чмошник. Хотя когда-то казался почти нормальным, имя не в счет.

Наташа поняла, что отвлеклась, что совсем не хочет думать о том, что слушает. И слушать тоже не хочет. А слушать надо, и очень внимательно. Потому что выбрать могут ее.

Леха не знал, кто у Милки папа. Хотя по Лехиным словам выходило, что знакомство он с папой водил, и близкое.

– Я ее папу в жопу драл, догоняешь? Хоть он прокурор, хоть мент, хоть хер собачий. Мне насрать. Я должен отсюда свалить. И свалю, догоняешь? И бабу свою схавать не дам. Или ты свою предлагаешь?

– Ну-у... – прогнусил чмошник.

Наверное, если бы Наташа ему все-таки дала, он бы сейчас вел себя иначе. Хотя не факт. Такой уж чмошник. Епифаном нормального парня не назовут. Нет, не так... С именем Епифан парень нормальным не вырастет.

Если бы... Но она не дала. Здесь тем более не даст. Ей хотелось другого – вцепиться ему в рожу. Почувствовать, как расползается под ногтями кожа. Как лопаются под пальцами глаза.

Будь Епифан один – так бы и сделала. Напрыгнула бы кошкой из темноты и выдавила бы глаза. За его «ну-у...». И силы бы нашлись, так разозлилась.

Но их двое. Они убьют ее и разделают Лехиным ножом. Потом скажут девчонкам, что сходили на охоту. Ну вот как-то исхитрились, без фонаря и без приманок. Они уже успели обсудить, что будут говорить, – не зная, что одна из девушек притаилась рядом, во мраке.

Наврут, а потом станут вчетвером есть принесенное «с охоты» мясо. Едва обжаренное, полусырое, топлива мало. И Милка со Светкой не будут смотреть в свете костерка в глаза друг другу. И не будут вслух удивляться, с чего бы здешние крысы, пусть и необычайно крупные, совсем уж разрослись и стали такими мясистыми.

А если в жаркое попадет то, чего у крыс не бывает – женский сосок, например, – Светка (или Милка) сделает вид, что не заметила. И постарается прожевать побыстрее.

Картина ужина стояла перед мысленным взором яркая. Ужина, где она будет пассивным участником, хоть и главным... Главным и единственным блюдом.

Все казалось таким зримым, что хотелось вскочить и убежать в темноту.

Она осталась. Могли выбрать не ее.

Наташе не исполнилось двадцати... Раньше побаивалась этой даты: сменится первая цифра в двузначном числе, обозначающем возраст, – и вторые цифры замелькают, как в последнем окошечке электросчетчика, – не заметишь, как тридцатник подкатит, а там и старость не за горами.

Ей, дуре, хотелось: хоть бы этот юбилей никогда не наступил... Видать, кто-то наверху, – не на поверхности, совсем наверху, – услышал. И поиздевался, исполнив желание.

Теперь она мечтает дожить до неприятной круглой даты. Но тот, кто наверху, не слышит.

В общем, она согласна зажмуриться, если в ее порции окажется что-то, для крыс не характерное. Она хочет жить и не станет спрашивать, куда подевалась Мила или Света. Подевалась и подевалась, крысы сожрали, с любым случиться может.

Однако Светке ничего не грозит... Леха ее парень, и парень с понятиями, – говорил, словно гвозди заколачивал: свою телку ему жрать западло. Точка. Не обсуждается. И Епифанову телку не стоит.

Иное дело бесхозная Мила.

Лично он, Леха, ничего против нее не имеет. Но у нее, у Милки, судьба такая. Не повезло ей. Карта так легла, для нее неудачно. Может, Милка и сама бы доперла, если б не ошизела с голодухи, что кто-то должен собой пожертвовать, чтоб других спасти. А кроме нее, Милки, получается, что и некому.

Такая вот была у Лехи позиция.

Излагать он умел убедительно. Мог убедить хоть словами, хоть руками, хоть ногами. Мог и ножом.

Наташу убедил влет: все логично и здраво, кто-то должен спасти других, и кроме Милки некому. Не придумать другого варианта, как голову ни ломай.

Но недоделанный чмошник Епифан не соглашался. Он, в отличие от Лехи, с Милкиным родителем знакомство свел не фигуральное. Поговорили один раз. Но чмошнику и раза хватило. О чем и как они беседовали, никто не знал. Но утырок стал после того обходить Милку по широкой дуге. А если сама подходила, общался односложно: привет, да, нет, не знаю, пока.

Мила не обиделась, хоть слегка удивилась, – и сделала знак следующему соискателю... Папа с новым претендентом на сердце и постель дочери потолковать не успел. И уже не потолкует – даже если добрый волшебник махнет палочкой и все окажутся наверху. Или если злой волшебник телепортирует сюда папу...

Толковать папе не с кем. Следующим кавалером Милы оказался Стас.

Епифан хотел выбраться отсюда, но не хотел вновь общаться с Милкиным папой, когда тот станет спрашивать, куда девалась дочка. Его и первый разговор пронял до мокрых подгузников.

И сейчас гнусный чмошник сдавал Наташу. Епифан не говорил прямо, что убить надо ее. Он убеждал, что нельзя трогать Милу, что сожрав ее, лучше все попытки выбраться прекратить, – здесь им будет спокойнее и безопаснее.

Между слов торчал толстый намек: выбрать придется Наташу. Чувствовалось: едва только Леха назовет ее имя, Епифан долго ломаться не будет. Скажет, что ему бы, конечно, не хотелось... Но раз уж так получается...

Леха намеков не понимал. Он вообще не понимал, как так можно: сдать свою телку.

Наташа решила: если они выберутся и он захочет, она Лехе даст, хоть он совсем ей не нравился, даже наоборот. Даст один раз, но с душой. За это самое непонимание.

Едва так решила, подкатил приступ кашля. Наташа поняла, что никому и никогда уже не даст. Разве что даст кое-кому чувство сытости...

Они ведь недаром ушли в сторону. Они понимают, что случится, если девчонки узнают... Леха точно понимает – он прямо сказал в начале подслушанного разговора: о том, какой ценой все выбрались, будут знать только они с Епифаном, вдвоем. Порубают мясо помельче, чтобы двум оставшимся девкам легче себя обманывать. А потом – чтоб легче все стереть из памяти.

Леха был недурным психологом. Интуитивно чувствовал людей. Втолковывал: должны забыть, иначе будут себя винить, накручивать – и сдадут или проболтаются. Тогда они с Епифаном присядут надолго. Если же сделать все тихо – девки сами будут рады позабыть, что тут произошло. Но надо им помочь, поставив подруг перед фактом, – а перед подругами положив еду.

Он, Леха, и в одиночку бы все провернул, да с голодухи ослаб и боится дать маху.

Наташа поняла: сейчас закашляется и подпишет себе приговор. Из отнорка ей не выбраться, парни перекрыли выход. Можно орать, но до большой пещеры звук не долетит. Ее убьют и разделают.

Она прижала ладони к лицу. Зажимала рот, стискивала нос двумя пальцами. Не дышала в самом прямом смысле. Кашель, лишившись выхода, колобродил внутри. Грудь содрогалась в судорожных движениях. Казалось, кто-то шурует в легких сортирным ершиком – но железным и докрасна раскаленным. Было больно. Нестерпимо хотелось впустить воздух внутрь и выпустить кашель наружу.

Спас ее Леха.

– Кончай базар, – сказал он, оборвав недоделка, хотя они ничего так и не решили. – Пошли обратно. Девки всполошатся, искать начнут... После добазарим.

Следующую фразу Леха произносил на ходу, Наташа слышала ее с каждым словом все хуже. Но уразумела, что Леха отложил решение вопроса. Дескать, еще денек поработать на расчистке завала смогут, сил хватит, но потом надо выбирать... Если, конечно, судьба не выберет за них, и кто-то из девчонок в ходе работ не подвернет ногу и не станет бесполезной обузой, – и тогда, будь та хоть Светкой...

Дальше Наташа не расслышала. Поняла главное: останется жить, может ненадолго, но останется.

Она с опаской кашляла в рукав. И думала, что когда и если Леха – потом, наверху – захочет ее трахнуть, она не просто даст с душой, но и согласится на все, что он пожелает. Даже если пожелает необычного, но чтоб не больно... Не слишком больно... Ладно, можно и больно, заслужил.

Получена отсрочка на день... вернее на столько времени, сколько Леха посчитает за день.

Надо сделать так, чтобы выбор пал на кого угодно, только не на нее.

Она вспомнила, для чего сюда пришла. Разыскала ощупью нычку, там лежало наследство Стаса, утаенное от остальных, – полусъеденная плитка шоколада. Наташа с детства не любила молочный шоколад, предпочитала черный, горький. Теперь полюбила. Черноты и горечи вокруг с избытком, хочется светлого и сладкого.

Она сжевала четыре ломтика, хотя пришла за одним, за ежедневной своей порцией. Но теперь не до экономии: чтоб спастись, понадобятся силы. А не спасется – зачем ей шоколад?

2. Епифан

После разговора парни возвращались к лагерю.

Леха шел первым. Подсвечивал путь тоненьким лучиком брелка-фонарика. Тот пока светил: батарейка-таблетка оказалась живучей, настоящей долгожительницей в сравнении с пальчиковыми, давно разрядившимися.

Увы, брелок предназначался для ситуаций житейских: осветить, например, замочную скважину в темноте. Для подземелья пустяковый фонарик годился плохо. Вообще не годился.

Леха часто останавливался, не видя, что впереди. Под ногами валялось много всякой дряни: и камни, выпавшие из свода, и куски окаменевшей глины, мало от камней отличавшиеся. Споткнуться и подвернуть ногу легче легкого.

Епифан шагал следом, как слепец за поводырем, ночное зрение у него оказалось никудышное. В прошлой жизни он не замечал за собой такого, но под землей факт стал очевиден. Сейчас Епифан налетал на Леху, утыкался в спину, когда тот останавливался.

Леха не попрекал, вообще не обращал внимания. Это казалось самым обидным. Епифан не понимал, почему он всегда и всюду оказывается на вторых ролях. Ведомым, а не ведущим. Ему хотелось наоборот. Не здесь, в темном подземелье, – вообще в жизни. Не получалось.

Иногда он думал: корень всех его бед в имени.

Ему не повезло, он родился в пору православного ренессанса. Родители, вчерашние атеисты, воцерковились с размахом. На двенадцатые праздники непременно отстаивали до конца долгую службу. Плюс еженедельные походы в храм за исповедью и причастием. В квартире-двушке появился красный угол, оформленный строго по канону, а в постные дни в холодильнике и с ищайками было не сыскать ничего мясного, даже сосисок, мясных весьма условно.

Имя отпрыску, родившемуся в такой богобоязненной семье, разумеется, выбрали по святым.

Епифан проверил годы спустя: мог стать Петром, так нет же... Ладно хоть Панакакием не окрестили, поминали и такого святого в тот день. Отчаянно скучает, наверное, небесный заступник Панакакий на небесах – покровительство оказывать некому из живущих.

Он надеялся получить новое имя после двадцатилетия, при замене паспорта. Надеялся до того, как оказался здесь, под землей. Теперь он согласился бы жить даже под старым именем, притерпелся к нему за девятнадцать с лишним лет. Главное не имя, главное – жить.

Жить, даже если ценой станет Наташка.

Она ему никто, по большому счету... Да, интересовался ею, но не как личностью... Как справедливо заметил Стас еще наверху:

– По меньшей мере два достоинства у Натали есть.

– Какие? – полюбопытствовал Епифан.

– Во-первых, большая упругая грудь...

Стас выдержал паузу, и Епифан купился как ребенок.

– А во-вторых?

– Во-вторых: вторая упругая грудь! – объявил Стас. – Два достоинства четвертого номера. Других не вижу...

Стас был из той породы дебильных шутников, что считают: хорошая шутка всегда хороша, сколько ее ни повтори. Когда его заживо сожрали крысы, Епифан ничуть не расстроился.

Но суть приятель ухватил верно: как личность Наташа полный нуль. Всего лишь кусок мяса... Большой, сочный и аппетитный.

...Штольня повернула, стала шире, своды уже не нависали над головой. Подпорок здесь не было, и ход с полным правом мог считаться пещерой. Впереди показалось пламя костерка,

идти стало значительно легче, чем в крошечной тьме. Жечь костер приходилось постоянно, не только для приготовления пищи, когда у них случалась пища. Но и для тепла. Здесь было плюс пять, может плюс шесть...

Не так уж холодно для людей, одетых по апрельской погоде. Но только если люди сытые и не сжигают калории на тяжелой работе.

Девочки сидели рядышком, прижавшись. Мила крутила фитили для «коптючек», выдергивая утеплитель из того, что осталось от куртки Стаса. Света, протянув руки к скудному огню, отогревалась. Наташка куда-то отлучилась.

– Ну как? – немедленно поинтересовалась Света. – Не ушли?

Имелась слабая надежда: крысы уйдут и можно будет пробраться вверх через их владения. Вонь там страшная, но они вытерпели бы.

Пока гарнизон крысиной крепости на месте, туда не пройти. А прорываться с боем после смерти Стаса расхотелось.

– Крысы там же, – ответил Леха и сменил тему: – Воду нацедили?

– Нацедили, – откликнулась Мила.

– Что ж не кипятите?

– Наташка обещала дров поднести, да застряла где-то...

– Чего одна-то поперлась? – спросил Леха. – Приключений мало?

– Надобность у нее... – пояснила Света. – Женская... Ну и дров заодно, сказала, поднесет.

– Нашла время... – сказал Леха огорченно.

Поразмыслил о чем-то и добавил иным тоном:

– Сляжет, работать не сможет... – Он со значением поглядел на Епифана.

У того сжалось сердце от радостного предчувствия. Он-то старался, кружным путем подводил Леху к мысли, что выбрать надо Наташку. А дура сама подставилась с дурацкими месячными. И Мила останется жить...

Тут Света все испортила:

– Нет, у нее это дело легко проходит. Даже но-шпу не пьет, аж завидно.

Вдали затрепетал огонек «коптючки». Наташка, легка на помине.

Наташа вернулась с перекошенной физиономией, словно повстречала крысу с сенбернара ростом. Причем крыса извращенно, многократно и садистски Наташку изнасиловала, а затем пыталась сожрать, но та чудом ускользнула. А кто думает, что это черный юмор, пусть попробует разыскать обглоданные косточки Стаса.

– Там... там... – начала Наташка и застряла на первом же слове.

– Что там? – спросил Леха. – Вдохни, потом выдохни. И базарь понятно.

Она вдыхала-выдыхала, аж свист стоял. Но ничего понятного сказать не могла.

Леха оказался рядом с ней, Епифан подумал: сейчас отвесит пощечину, но тот лишь вынул из ее пальцев «коптючку», загасил и сунул в карман. Взял Наташку за плечи, встряхнул пару раз. Заговорил, глядя ей в глаза:

– Ты не там, ты здесь. Все кончилось. Говори, что? Крысы?

– Н-нет... – выдавила Наташка. – Н-не крысы... Там кто-то был... большой... не знаю, кто.

Умом поехала, понял Епифан. Свихнулась от голодухи и постоянного стресса – все равно что ногу подвернула, только хуже. Вот вопрос и решился. С психопаткой возиться возможности нет.

Леха нагнулся над рюкзаком, достал последний рабочий фонарь, замотанный в тряпки (или предпоследний, если считать брелок). Батарейки в нем сесть не могли, за полным их отсутствием, – напряжение шло от динамки. Древняя штука, еще советская, и жизнь ее подходила к концу, при работе динамки раздавались нехорошие посторонние звуки, – оттого Леха исполь-

зовал фонарь лишь при расчистке штольни, при охоте или при какой-либо чрезвычайной ситуации.

– Пошли, глянем, – сказал Леха.

Епифан не понял: что, Леха решил ее... прямо сейчас... значит, надо пойти с ними?

Стало не по себе. Одно дело обсуждать, чье мясо спасет остальных... И совсем другое – резать девчонку, с которой отучился два года в одной группе. Решили же отложить до завтра... Если сейчас уйти с Наташкой, а вернуться со свежатиной, – Милка со Светкой все поймут, надо как-то иначе, тоньше...

Леха нажимал на широкий рычаг динамки, та с визгом раскручивалась, луч набрал силу, – яркий, мощный – никакого сравнения с дистрофичным лучиком брелка, не говоря уж о «коптючках», дающих больше вони, чем света.

– Пошли! – Леха потянул за рукав Наташу.

Епифан, продолжая сомневаться, шагнул следом... Он бы все-таки отложил на денек... Но если надо...

– А ты куда? – спросил Леха. – Посиди с девчонками. Сам управлюсь.

Сам?! Епифан остановился. Да, пусть сам управится. Пусть вернется с едой и без Наташки. А он, Епифан, постарается поверить, что в ловушки попались несколько крыс, очень крупных и мясистых... А потом постарается все забыть.

Если же забыть не получится – то надолго присядет один Леха.

Туда ему и дорога.

Зря радовался... Проклятие имени вновь сработало: Леха вернулся, притянул к себе, прошептал в ухо:

– Не лыбься, как мудака. Я лишь гляну, что ей привиделось. Догоняшь?

И ушел.

Епифан понял, что ждать подачек от судьбы нельзя. Не с его везением... Надо брать дело в свои руки, впервые в жизни.

Понял и приступил к плану «б».

3. Наташа

Она не раз задумывалась: с чего началась цепочка причин и следствий, – и привела к финалу, какой не мог привидеться в кошмаре? Где и когда надо было сойти с гибельной тропинки? Развилки пройдено много, но каждый раз она сворачивала не туда.

А началось все банально. Весной, в апреле, Наташе захотелось странного...

Такого, что не осознать и не сформулировать, чего же именно хочется. Нет, не о сексе речь, хотя Мила утверждала, что вся Наташина проблема состоит в банальном недотрахе. Дескать, весна, гормоны, – найди себе парня и все мигом наладится.

Подруга многие жизненные проблемы сводила к сексу, но о недотрахе у них с Наташей понятия имелись разные. Мила не была нимфоманкой, однако три-четыре дня без секса вгоняли ее в депрессняк. Наташа тоже не жила по монастырскому уставу, но если случались перемены без парня, переносила их спокойно.

С Вадимом они расстались, но пока, уже больше месяца, она не занималась активным поиском. Даже утешителей на одну ночь не искала. К ухаживаниям парня со странным именем Епифан отнеслась с иронией, он казался Наташе забавным, но сама понимала: в постели они смогут оказаться, только если звезды сойдутся в крайне редкой комбинации.

Дело не в сексе... Хотелось странного. Не то уехать куда-нибудь, где никогда не бывала... Не то заняться чем-нибудь, до сей поры не опробованным... Всё: и талые лужи, отражающие синее небо и белые облака, и набухающие на деревьях почки, и надрывный птичий хор, – всё звало, всё манило куда-то, а вот куда... не понять.

Тут-то и подкатил Епифан с идиотской идеей. Вернее, статус «идиотской» идея получила позже, а в тот момент показалась интересной, даже заманчивой.

Задумал он пикник. Не заурядный выезд в лес, сыровато сейчас в лесу, – а диггерский пикник, под землей. Загадочные подземелья, свечи, летучие мыши... в общем, романтика. А уж какие кадры можно сделать...

Последнюю фразу он произнес не зря. Знал, что и Наташа, и Мила, слушавшая разговор, большие фанатки Инстаграма и соревнуются с подругами, чьи селфи круче.

В общем, сумел заинтересовать. Милу даже больше, – и она занялась бурной организаторской деятельностью. Иначе затея могла остаться на уровне намерений, имелась у Епифана черта: придумать что-нибудь интересное и ничегошеньки не делать для воплощения придумки. А потом придумать что-то еще, и еще, и еще... Он был по жизни лентяем с хорошо работающей фантазией. Мила, напротив, если уж собралась что-то сделать, то в долгий ящик не откладывала.

Решили ехать на подземную прогулку в ближайший уик-энд. Вернее, Мила так решила и сама же определила состав: она со Стасом, плюс Наташа с Епифаном, – предполагалось, что под землю отправятся лишь две пары. Но Епифан объявил, что туда не попасть просто так, да оно и к лучшему – что за отдых, что за романтика в местах посещаемых, среди мусора, опустошенных бутылок и использованных презервативов? Короче, с ними пойдет диггер из настоящих в роли гида и проводника.

Услышав, что присоединится третий парень, Мила позвала Светку.

Со Светой у Милы отношения сложились дружеские. Возможно, причиной тому стала Светина внешность: ни с Милой, ни с Наташей подруга конкурировать не могла. Поклонников у нее было не густо, и Мила старалась помочь – знакомила Свету с парнями, и даже пару раз пыталась сплавить своих отвергнутых кавалеров.

Помогали личной жизни Светки эти старания мало... Можно сказать, совсем не помогали. Тем удивительнее было услышать, что она на подземное приключение согласна, но пойдет со своим парнем, – если Мила не против, конечно.

«Мой парень» – надо слышать, как эти слова прозвучали, с какой интонацией.

Мила изумилась. Светкин парень?! А она, Мила, ни сном, ни духом?! Наташа просто порадовалась за подругу.

В затеваемой экспедиции вновь стало нечетное количество участников: четверо парней и три девушки. Но приглашать кого-то еще не стали, уик-энд на носу.

Встречу назначили у касс железнодорожной станции Рыбацкое. Наташа, мягко говоря, удивилась – увидев, с кем пришла Светка.

Мало того, что парень оказался ниже подруги, девушки рослой, – так еще по виду типичный гопник «с раёна». И не только по виду. Если молодой человек представляется не Алексеем, а Лёхой, и первым делом интересуется, где здесь можно «затариться пивасиком», – это кое о чем говорит.

Затем удивление прошло, и Наташа выбросила проблему из головы: для Светы на безрыбье и рак рыба, найдет кого получше – наверняка избавится от своего маргинала. И она перестала обращать на Леху внимание.

Если бы Наташа знала, что ее жизнь напрямую станет зависеть от решений и действий Лехи – постаралась бы держаться к нему поближе, расположить к себе...

Хотя нет... Знала бы – рванула бы без оглядки, плевать, что подумают подруги и парни.

Но она не знала, и пошла со всеми, и оказалась здесь, в лагере, разбитом в пещере.

В лагере смерти.

4. Света

Света лежала у костра на спине.

Лежать было жестко, и холоднее, чем сидеть, сжавшись в комочек, обхватив руками колени. Но лежать – если правильно выбрать точку – можно увидеть маленький кусочек неба. Совсем крохотный пятючок, синее пятнышко на фоне темного свода пещеры. Но это небо. Настоящее.

Увы, протиснуться в лазейку нет никакой возможности. На поверхность ведет обсадная труба пробуренной здесь скважины. Зачем ее бурили, не ясно, – искать тут газ или нефть смысла нет. Возможно, искали воду, артезианский водоносный слой. Не нашли, угодили в пустоту, в подземную каверну, – и бросили скважину вместе с застрявшей в ней трубой. Ее конец свисал примерно на метр со свода пещеры – высоко над головами, не дотянуться. А наверху, скорее всего, виднелся над землей совсем крошечный обрубок. Или не виднелся, скрытый кустарником или зарослями бурьяна.

Место для костра обустроили под трубой в надежде: вдруг кто-нибудь заметит сочащийся из-под земли дымок, заинтересуется, сообщит куда следует... И те, кто получают сообщение, догадаются, что дело как-то связано с исчезновением группы студентов.

Света надеждой себя не тешила. В трубу уходила малая часть дыма, остальной рассеивался по пещере. Если даже заметят слабый дымок и сообщат, – ведь не тем, кто ищет пропавших, а аварийной службе. Те исследовать феномен едва ли станут, заткнут трубу бетонной заглушкой, да и дело с концом.

К мысли, что скоро придется умереть, Света привыкала несколько дней. Потом привыкла. К любой мысли рано или поздно привыкаешь.

Когда-то она смирилась с тем, что будет одна – в смысле, без парня. Долго, а может вообще всегда. У сверстниц-подружек в школьные годы было все: и первые свидания, и первые поцелуи, и первый секс... Она оставалась одна.

Она терпеть не могла зеркал и того, что в них видела. Иные из одноклассниц уже замужем, одна даже успела развестись, – а Света как-то притерпелась, выстроила защитную линию: не это в жизни главное, она будет старательно учиться, станет хорошим специалистом, построит удачную карьеру... и может быть... когда-нибудь потом... а если нет, то нет.

Защита была хилая. Ночные сновидения взламывали ее на счет раз.

Потом в ее жизни появился Леха... Уселся на скамейку в парке, где уже сидела Света с томиком японской лирики в руках. Плюхнулся рядом – и стихотворение Оно-но Комати навсегда осталось недочитанным.

– Привет, меня зовут Леха, – сказал он. – Что читаешь?

Леха не умел знакомиться с девушками. Негде и не с кем было научиться на прямом жизненном пути: детдом – зона для малолеток – взрослая зона.

Он был на полголовы ниже Светы. И весил меньше. И книг в своей жизни видел – всего лишь видел, не открывая – меньше, чем она прочитала... Ей, здраво рассуждая, стоило пресечь на корню попытку знакомства, но...

Но вокруг бушевал апрель, а в крови у Светы бушевали гормоны. Солнце жарило так, словно вообразило, будто здесь и сейчас не то июль, не то флоридский пляж. Талые лужи ослепляли солнечными зайчиками, и Света впервые в этом году надела очки-хамелеоны. От Кронверкской протоки тянуло свежим запахом очистившийся ото льда воды, а от деревьев парка – терпким ароматом пробуждающейся природы. Синицы и прочие малые птицы надрывались, чиркали бесшабашно и оглушительно.

– Я зоопарк намылится, – сказал Леха. – Ни разу не был. Пошли вместе, а?

Они пошли, и не только в зоопарк, и в тот же день, вернее, уже поздним вечером, ближе к полуночи, Света потеряла девственность... И приобрела взамен Леху – через два дня он переехал к ней с вещами; те поместились в полиэтиленовом пакете и отнюдь не грозили его разорвать.

Переезду предшествовал нелегкий разговор с родителями. Света была девушкой покладистой, споры не любила и чаще предпочитала уступить; но если изредка упиралась в чем-то – не сдвинешь. Родители сообразили: чем пригрозила, то и сделает, – и на вечерний перейдет, и работу подыщет, и съемное жилье, – и согласились.

Мать после вселения поглядывала на негаданного как бы зятя с подозрением и начала запирать шкафы, выдвижные ящики столов и прочие шифоньеры, чем раньше не занималась; отцу Леха неожиданно понравился.

Зато как встретила Леху их студенческая компания, – тогда, на станции Рыбацкое, при первом знакомстве... Смотрели на него, словно английские лорды и леди на вонючего бомжа, невесть как затесавшегося на светский раут. На Свету же взирали с недоумением и жалостью, и это было еще обиднее.

Леха все видел и все понял, – ни слепцом, ни дураком он не был. Отреагировал, что называется, асимметрично. Первым делом поинтересовался выпивкой, и речь зазвучала по-иному, сплошная блатная феня, – хотя при Свете никогда ею не щеголял.

Сцена Свету напрягала, но тут, по счастью, подошел Генка – тот самый диггер-проводник, приятель Епифана. В полевой одежде, с рюкзаком, и с известием: никуда не поедет. Был уже, дескать, в пути, когда получил звонок на сотовый, – у младшего брата проблемы, загремел в ментовку, надо вытаскивать.

Стас отменять поездку не хотел, пристал: расскажи дорогу, сами под землю слазаем, легонько, далеко не заходя. Нет, отрезал Гена, без него никаких подземелий, в другой раз как-нибудь... С тем и ушел.

Они решали, где прикончить захваченные с собой припасы, когда Епифана осенило: можно обойтись без проводника, если двинуть к подземелью другому, к тому, где он бывал с Геной раньше. Дорогу найдет, не вопрос. А ехать туда даже ближе.

Все сдуру согласились. Никто не подумал: случись что – искать их будут в Саблинских пещерах, многие знали, куда направляется компания.

...Вход в подземное царство выглядел казенно и уныло. Бетонный квадрат чуть выше уровня земли, размером шесть на шесть метров или около того. Четыре люка – три забраны решетками, четвертый прикрыт тяжелой чугунной крышкой.

– Что-то мне расхотелось, – капризно сказала Мила и глянула на подруг в поисках поддержки.

– Ништяк, – сказал Стас, глянув вниз. – Зато прикинь, какие будут снимки!

Света размещением фоток в соцсетях не увлекалась. Но не зря ж тащились час на электричке, потом пешком, пустырями и буераками... Раз уж дошли – обидно просто так возвращаться. И она поддержала Стаса.

Позже Света отдала бы многое, чтобы вернуться назад и все переиграть... Увы, такое возможно только в компьютерных играх.

Она лежала, смотрела на крошечный кусочек неба над головой, и сама не заметила, как уснула. А Епифан заметил... Поднес палец к губам и потянул Милу в сторонку.

5. Мила

Она не хотела, не хотела, не хотела... Но ее уговорили спуститься по ржавым скобам-ступеням, – и старательнее всех уговаривал Стас.

После Мила готова была убить его за ту настойчивость. Не убила, не потребовалось, крысы поработали за нее.

Самое обидное, что снимки, сделанные внизу, оказались унылыми... Там все было унылым. Серые камни. Окаменевшая глина, тоже серая. И все, никакой больше романтики.

Раньше здесь, по словам Епифана, добывали камень-песчаник. Недолго, не успели прорубить многокилометровые катакомбы, как в Саблино. Дальнюю часть выработки сейчас используют как скотомогильник, сбрасывают трупы павших животных. Туда им лучше не соваться: вонь, крысы... Полазят недалеко от этого входа, здесь сухо и чисто.

Еще и вонь с крысами... Но должно же быть что-то, заставляющее диггеров лезть и лезть под землю? Пусть не загадочные находки, но драйв, или адреналин, или хотя бы клевый фон для селфи...

Накликала, порцию адреналина они получили.

...Епифаном провел их к началу длинной штольни. Кое-где здесь сохранились деревянные подпорки, крепившие свод, но большая их часть валялась под ногами, – не целиком, в виде разноразмерных обломков.

– Не обвалится? – встревожилась Света.

Стас привстал на цыпочки, пощупал свод в одном месте, в другом. Успокоил:

– Не обвалится... Штольне лет двести, что могло обвалиться, давно обвалилось, вон сколько камней валяется. Разве что землетрясение ход раздолбает, первое в истории Питера и области.

– Все когда-то случается впервые, – сказала Света.

Всезнайка Стас растолковал: не случится, нет к тому никаких предпосылок с точки зрения геофизики. Тектоническая активность Балтийского щита закончилась во времена динозавров. На ближайший миллион лет он, Стас, сохранность этого хода гарантирует.

Света умолкла, подавленная авторитетом науки геофизики.

А когда они миновали штольню и попали в большую пещеру, вроде даже естественную, подземелье содрогнулось. С грохотом посыпались камни. Большой фонарь, натуральная фара, упал и звонко разбился. Стало темно.

Мила почувствовала удар по руке, сильный и болезненный. Услышала, как кто-то вскрикнул, Наташка или Светка.

– Все целы?

– Что это было?

– Где мой фотик?

Взволнованные вопросы перекрывали друг друга, но оставались без ответов.

Затем раздался новый звук – Леха с визгом раскручивал динамку своего «вечного» фонаря. Луч набирал силу, осветил кучу, образовавшуюся за их спинами, в штольне – камни в ней были перемешаны с кусками окаменевшей глины.

Луч переместился на лицо Стаса.

– Не обвалится, говоришь? – нехорошим голосом спросил Леха. – Мильен лет, говоришь, гнида?

...Они разбили лагерь в пещере, обследовали тянущиеся от нее штольни. Одни кончались тупиками, другие оказались завалены. Лишь одна уводила далеко, к скотомогильнику, и уже на полпути лютая вонь не позволяла усомниться: дорога выбрана правильно.

Камней и там выпало сверху немало, но пройти можно, – до отвесного уступа метра в полтора высотой. Под уступом в несметных количествах кишели крысы, огромные, отожравшиеся. Преодолеть уступ грызуны не могли, да и не стремились, пищи им хватало – дохлую скотину везли со всего района и двух соседних.

Воняло так, что хоть топор вешай. Скотомогильник (и выход наверх!) был совсем рядом. Стас заявил, что агрессивность крыс сильно преувеличена. Крысы людоедством грешат лишь в фильмах-ужастиках. А эти, реальные, испугаются огня и разбегутся.

Леха сказал жестко: один раз сбалаболит, всех подставил, – пойди и докажи, что не гонишь. Стас трусом не был и пошел.

Здесьние крысы ужастиков не смотрели и дурных привычек нахвататься из них не могли. Но сделанных Стасом факелов не испугались. Умирал он долго. Казалось, целую вечность ворочался под серым живым покрывалом. Мила впала в истерику, вопила, гнала парней на помощь, хотела прыгнуть сама...

Леха врезал ей по лицу – сильно, больно, разбив нос и губы. И увел всех обратно, разбирая завал, отрезавший их от выхода.

Разбирают до сих пор... И будут разбирать, пока не обессилеют окончательно. А этот миг не за горами. От первой пойманной крысы девушки воротили нос, и парни съели жаркое вдвоем. Сейчас такая трапеза кажется желанным лакомством... Но крысы поуменьли, все реже попадают в петли-ловушки.

...Когда Епифан отвел ее в сторону от костра и тихонько рассказал о намерениях Лехи, Мила поверила сразу. Ей и самой приходила в голову: если кто-то умрет раньше других, то... Она не заканчивала мысль, какие-то сдерживающие барьеры еще оставались. У отможенного уголовника таких барьеров нет. Кто чей папа, ему плевать, и ждать, пока кто-то умрет, он не намерен... Предсказуемо.

– Что предлагаешь? – спросила она, тут же поправилась:

– Кого предлагаешь?

– Светку или Наташку... Если ногу подвернет... заболит... Леха сказал, что тогда и Светку... того... Надо как-то одну из них аккуратно... придумать что-то.

Мила раздумывала около минуты. Потом потянула Епифана еще дальше в темноту.

– Смотри... Тут падают камни иногда, сам знаешь. Этот грохнулся недавно, пока вас и Наташки не было.

В тусклом свете «коптючки» Епифан едва разглядел здоровенный плоский обломок, вздохнул:

– Эх, чтоб он Светке на башку приземлился...

– А он и приземлился. На башку. Светке. Только что, – с нажимом произнесла Мила. – Берись с той стороны.

– Как... так вот сразу... может...

– Берись, гондон! Или Лехе расскажу, как ты его сдал. Ну!

Тяжеленный камень даже вдвоем едва подняли. Хотя, конечно, оба были далеки от лучшей формы.

«Может, она проснулась... – думала Мила, чувствуя, что руки вот-вот оторвутся. – Тогда придется маленьким камнем, в висок... А потом этим».

Света не проснулась. Так и посапывала на том же месте. Под трубой, где только она могла разглядеть кусочек неба... На самом деле, подозревала Мила, та синева лишь в голове подруги. Хотя какая она подруга... Пригрела толстуху из жалости... Но время жалости закончилось. Каждый за себя.

– На счет три, – прошептала она, но сама не дождалась конца отсчета, ослабевшие пальцы соскользнули с холодного камня.

Обломок ударился сначала одним краем о пол пещеры и лишь затем накрыл Светкину голову. Раздался мерзкий хруст и больше ничего, ни крика, ни стога. Тело дернулось и обмякло.

Мила подумала, что надо бы завопить, устроить истерику на телем погибшей от несчастного случая подруги.

Но так и не смогла выдать ничего подходящего до прихода Лехи.

6. Леха

Все и всегда звали его Лехой и эти четыре буквы синели на правой руке, на костяшках пальцев. Он и сам себя мыслил Лехой. Алешей или Алешенькой его никто не называл. Даже мать.

Он рос в Шанхайчике. В трущобах Крестовского острова, в бывшей общаге разорившегося завода, – кредиторам, дерибанящим его активы, ветхая недвижимостность не приглянулась. Общежитие, хоть числилось муниципальным жильем, напоминало Воронью слободку: непонятные люди, непонятно по какому праву тут живущие.

Пили по-черному, – и торговали паленой водкой, здесь же набодяженной. Ширялись, – и толкали наркоту. Жестокие драки с поножовщиной не становилась запоминающимся событием, – в редкий день возле унылого фасада общаги не стоял ментовский «луноход».

Поблизости уродовали пейзаж такие же дома, населенные такими же людьми, – и всё купе именовалось Шанхайчиком.

Жилось в Шанхайчике нелегко. Слабаки, не умеющие постоять за себя, и получившие ордер на проживание здесь, – не выдерживали, сбегали.

Лехе выдерживать и терпеть не приходилось. Он не чувствовал дискомфорта, – как не ощущают чудовищного давления рыбы, обитающие на океанском дне, на многокилометровых глубинах, в какой-нибудь Марианской впадине.

Но донные рыбы не знают, что наверху иной мир, светлый, – где есть солнце и еще много всего... И не стремятся вверх, не рискуют разорваться на куски от собственного внутреннего давления.

О другом мире Леха знал, благо граница между мирами проходила рядом, в паре кварталов. Он давно хотел попасть туда, но вместо того покатился по колее, накатанной многими юными обитателями Шанхайчика. Не по своей вине – место рождения и родителей не выбирают.

Леха не любил мать. Она была похотливой и вечно пьяной стервой. Но он пожалел, когда вернувшийся с зоны отец забил ее насмерть. Не ее пожалел, и не его, вновь присевшего, – себя: оставшись сиротой в тринадцать лет, угодил в детдом. Там было херово даже ему, жизнью и людьми не обласканному.

Он выдержал недолго. Потом воткнул в брюхо воспитателю по прозвищу Кактус ложку, украденную в столовой и остро заточенную. Воспитатель был отчасти садистом, но в основном активным пидором, в плохом смысле слова.

Кактус выжил, а Леха попал на зону для малолеток. Там тоже жизнь была не сахар, но Леха в нее вписался почти без проблем. Если не считать проблемами три выбитых зуба, сломанное ребро и несколько месяцев, суммарно проведенных в штрафном изоляторе.

Последний год досидел на взрослой зоне, – там оказался курорт в сравнении с жестокими порядками «малолетки».

Вернулся в Шанхайчик – вписаться у прежних знакомых, ненадолго: надо вылезать, выкарабкиваться... Возможно, он лгал сам себе, – и, оказавшись в старой колее, двинулся бы по кругу.

Судьба рассудила иначе: на месте Шанхайчика грохотала обнесенная забором стройка.

Назавтра Леха встретил Свету. Не случайно, – целеустремленно искал, высматривал такую, недотраханную... Он трезво оценивал свои возможности: идеально приспособленный к жизни на глубине и во мраке, – наверху и при свете Леха был беспомощен, ничего не знал об этом мире и не умел здесь жить. Значит, – если не хочешь нырнуть обратно, – кто-то должен помочь, протянуть руку.

На подземную экскурсию Лехе было наплевать, экстрима в жизни хватало, накушался с избытком. Незачем лезть не пойми куда в поисках адреналина. Но Света хотела продемонстрировать своего парня подругам и приятелям, и Леха решил: пускай, не убудет.

И вот как все обернулось...

– Захрен так далеко забралась, чуть не к крысам? – спросил он у Наташи. – Ближе дров не нашла?

Она остановилась, повернулась к нему. Заговорила горячо, быстро:

– Она, Светка, тебя не любит. Презирает. Ее просто некому драть, поэтому она с тобой. А мне ты сразу понравился. Ты сильный, наши парни амебы против тебя.

От удивления Леха позабыл о динамке, луч фонаря ослаб. В теплящемся желтом свете он увидел, как Наташа опустилась на колени, расстегнула его ремень.

Больше ничего расстегивать не требовалось. Он и так не страдал полнотой, а здесь исхудал, брюки сползли сами.

Леха подозревал, что у него не встанет, однако встал. Было приятно, но как-то неправильно... Не должно так быть.

Он решил сказать об этом, пока не кончил, тогда как бы не будет считаться.

– Не надо... Ты клевая, при всех делах, базара нет. Но я со Светкой и тебе...

Не договорил – пах пронзила дикая боль.

Так больно Лехе никогда не было. Даже когда воспитатели в подсобке мудохали по-черному ногами в отместку за Кактуса.

Схватился за пострадавшее место – горячо, мокро, брюки и трусы быстро намокали, становились липкими и тяжелыми. Боль сводила с ума, хотелось одного: упасть и орать, орать во весь голос.

Он вынул ремень из джинсов – наложить жгут, не то ведь истечет кровью. И вскоре понял – на то, что уцелело от зубов сучки, ничего он не наложит. Не на что накладывать.

Куда подевалась Наташа, он даже не задумался. Побрел обратно, вцепившись левой рукой в рану, пытаясь как-то ослабить кровотечение. Ковылял в темноте, фонарь упал, искать его не было сил.

Чем ему помогут в лагере, он не знал: все-таки медики, два года отучились, что-то придумают, не дадут сдохнуть.

Навстречу выбежал Епифан. Не увидел в темноте, что с Лехой, или не хотел замечать: тараторил с выпученными глазами, что Свету придавило камнем, они пытались спасти, но тут медицина бессильна, голова вдребезги... Чем больше трюндел и приводил ненужные подробности, тем яснее становилось: врет. Сам прикончил Светку, на роже все написано. И помощи здесь не будет, и вообще ничего больше не будет...

Нож был под рукой. Щелк, тык, – лезвие воткнулось в брюхо Епифана.

Казалось, выкидуха сработала на манер волшебной палочки: Епифан исчез, Леха не видел его и не слышал. Он оплыл наземь, сил стоять не осталось.

В ушах звенело, перед глазами мельтешили светлые пятна и постепенно сложились в картинку: длинный, бесконечный коридор в общежитии, дощатый щелястый пол, и по доскам шлепает он, Леха, и лет ему совсем мало, и жизнь впереди длинная, как этот коридор.

7. Наташа

Она осталась в темноте: ни фонарика, ни зажигалки, ни «коптючек».

И где-то в этой тьме был Леха с ножом. Упорно преследовал ее. Наташа надеялась: кровопотеря сделает свое дело, он упадет и больше не встанет... А он не падал, упрямо тащился за ней. Шел без света, ступал осторожно, но Наташа слышала шаги.

А ведь казалось: она выиграла, и теперь самая главная задача – не сплевать Лехе в трусы, разило оттуда так, что вонь близкого скотомогильника отступила на второй план. Наташа знала, что и от нее несет не лучше: воду, едва сочившуюся по стене, они собирали тряпками, потом отжимали, – едва хватало, чтоб не умереть от жажды, не до мытья. Знала и терпела, подавила рвотный рефлекс и смогла взять в рот: победа! мой! эта курица никогда ему такого не делала...

Он заговорил – и весь просчитанный план Наташи рассыпался, и ощущение победы исчезло, и остался только вонючий хер у нее во рту.

Она стиснула зубы. Рефлекторно, не задумываясь о последствиях.

Позже, убегая во тьме, сообразила: так даже лучше, новый расклад всех устроит, плевать, что мужское мясо жестче, чем женское.

Но сначала он должен сдохнуть от кровопотери. А до того не должен резать Наташу. Однако Леха был упрям и никак не хотел подыхать...

Она вновь упала, как падала уже несколько раз, но падение показалось странно растянутым, замедленным.

Голова хрустко приложилась о твердое. Наташа так и не сообразила, что к крысиному уступу ее пригнал не Леха – ее собственный страх, превращавший в звук шагов грохот пульса в ушах.

Сознание она не потеряла. Лишь тело стало ватным, бессильным. В щеку ткнулась крысиная мордочка – мягкая, щекотная, даже нежная. Наташа поняла, что надо вскочить, полтора метра – ерунда, подтянется, вскарабкается... И осталась лежать, как лежала.

8. Мила

Епифан не преувеличивал, говоря про Милиного папу. Тот действительно мог многое, и поставил на уши всех, когда после недели поисков в катакомбах стало ясно: Саблино – ложный след.

Прошерстили все станции по всем железнодорожным веткам, куда можно было доехать из Рыбацкого. Не сразу, но сыскались свидетели, видевшие, как шестеро сошли с платформы и двинулись через поля.

Дальнейшее стало делом техники – эмчээсовской, и строительной, и военной – мобилизованной на спасательные работы.

Мила звуки работ игнорировала. И ворвавшиеся в пещеру яркие лучи фонарей проигнорировала. И людей в измазанных спецовках.

Она сидела у костра, осоловевшая от сытости. Воняло подгоревшим мясом, – коптить его впрок Мила толком не умела.

Сидела и блаженно улыбалась: еды много, еды хватит на всю жизнь и даже еще останется.

23.11.2017

Две точки зрения на переселение душ

1. Извне

Детская кроватка роскошная... Со всеми современными наворотами: может изменять глубину по мере роста малыша, и форму тоже, превратившись из круглой в овальную, и снабжена вращающимся «мобилем» с набором забавных игрушек, и прочая, и прочая... И никаких ДСП, разумеется: настоящее цельное дерево, причем не их дешевых, – карельская береза... Хорошая древесина, прочная.

Удар!

На древесине появляется глубокая вмятина, но кроватка выдерживает. Бутылка с виски тоже выдерживает – эксклюзивная ограниченная партия, толстое фигурное стекло, уронишь на пол, хоть бы и на каменный, – не разобьется. Хорошо иметь возможность покупать дорогие и прочные вещи... Но иногда, если возникает душевная потребность что-то разбить и разломать, – случаются такие накладки.

– Сережа... – В дрожащем женском голосе смешалось множество эмоций, но главная из них – страх.

Импозантный мужчина лет пятидесяти не слышит. Или не обращает внимания. Резко дергает пробку, – не столько отвинчивает, сколько срывает с резьбы, припадает губами к горлышку. Благородный продукт кентуккийских винокуров проливается на дорогой костюм, на сорочку. По назначению тоже попадает немало...

– Сережа...

Мужчина, подкрепившись, вновь принимается за кроватку. Теперь он бьет ее ногами. Остервенело, бешено. Продукция итальянских обувщиков более успешна в борьбе с карельской березой, чем изделие стеклодувов. Дерево с хрустом ломается, мобиль с жалобным звуком улетает куда-то в сторону. Кровать повержена, и тайфун вандализма меняет вектор: под атакой игрушки, их в детской множество, – новеньких и дорогих, не распакованных. Теперь некоторые покидают коробки силой обстоятельств, вылетают из них от ударов ногами. Другие гибнут, как были, в упаковках.

Потенциальных объектов для разрушения остается все меньше.

– Сережа...

Других слов не осталось, пропали, попрятались от страха, потому что импозантный мужчина сейчас страшен... С такими лицами убивают, не задумываясь. Мужчина слетел с резьбы, как пробка с бутылки виски.

Женщина на вид вдвое моложе. Лет двадцать пять, двадцать шесть... А месяц – примерно восьмой. Тоже на вид.

Мужчина с бутылкой – ее муж. И отец будущего ребенка... По крайней мере до недавнего времени он считал именно так.

– Сережа, нам надо поговорить...

Другие слова наконец-то нашлись... Они словно переключают триггер в голове мужчины. Эпидемия разрушений прекращается, занесенная нога опускается без удара. Взгляд на бутылку, – в ней осталось не больше четверти, по ходу дела мужчина еще пару раз прикладывался, но куда больше расплескал, размахивая бутылкой без пробки.

Резкий взмах! – почти небьющаяся емкость разбивается-таки, – коричневая клякса на детских обоях, с нее опадают осколки стекла, языки жидкости тянутся вниз, от одного веселенького зверенка к другому.

– Не-е-е-ет, – мужчина произносит это слово очень протяжно, покачивая головой. – Говорить мы с тобой не будем... Мы займемся разными делами, общих дел у нас больше нет. Я сейчас вызвоню шлюху, или двух, или трех, сколько захочу, столько и придет. И я буду их трахать на нашей семейной кровати... Ты ведь, сучка, там трахалась со своим кобелем? Не отвечай, все равно соврешь, и про кобеля можешь не рассказывать, все узнаю сам... Так вот, я буду трахаться, а ты будешь сидеть взаперти и думать, что я завтра с тобой сделаю.

Он говорит, а губы кривятся в улыбке, и та страшнее, чем недавнее бешеное выражение лица. Улыбка намекает: может сделать все, реально все, включая самое страшное...

* * *

За несколько часов до того.

Дорогая фешенебельная клиника, та же женщина на приеме, и сейчас она спокойна, в хорошем настроении, – беременность протекает не просто нормально, она, можно сказать, эталонно протекает.

О чем и говорит сидящий напротив врач, просматривая результаты очередных исследований и анализов. В тоне явственно слышится: у нас иначе и быть не может, запомните, и мужу передайте, и всем подругам расскажите, – потраченные здесь немалые деньги не выброшены на ветер, они инвестированы в здоровье. Его, как известно, не купишь, но сберечь, сохранить можно... Если с умом выбрать клинику. Нашу.

За окном начало лета, солнце и высокая липа. Жалюзи шинкуют солнечный свет ломтиками, и очень стильный медицинский костюм доктора похож на шкуру зебры, – женщина улыбается этому сравнению, муж вчера купил зебру, огромную мягкую игрушку, он все любит запасать заранее, такой уж человек, патологически предусмотрительный...

Эти ее мысли и улыбка – последние в нормальной и мирной жизни, дальше начнется кошмар, но женщина не подозревает о том, и не наслаждается моментом, и не старается его растянуть... Она просто улыбается.

Кошмар начинается заурядно. Доктор, не меняя тона, произносит, кивая на медкарту:

– На самом деле я немного поспешил: здесь подшиты результаты не всех возможных исследований, что мы проводим при беременности... Есть у нас еще одна услуга... дополнительная... Но ее заказывают обычно не будущие матери, а их мужья... В особых случаях... Вы меня понимаете?

– Не совсем.

Взгляд у женщины становится тревожным. Но она пока не понимает... Или не хочет понять, гонит от себя понимание.

Доктор встает, подходит к окну. Поднимает жалюзи. В кабинет врывается поток яркого света. И тени от ветвей и листьев липы. Врач усаживается обратно и говорит все открытым текстом. Только смотрит отчего-то в сторону, будто обращается к шкафу с застекленными дверцами.

– Я имел в виду установление отцовства по ДНК. Надежный метод, очень редко дает сбои...

По докторскому профилю ползает резкая, контрастная тень от ветки липы. Кажется, что из уха высунулся, наполовину выполз какой-то червеобразный мозговой паразит, – и пытается заползти в рот...

Врач вновь поворачивается анфас. Мозговой червь исчезает.

– Но все же ошибки случаются... Примерно с такой вот вероятностью... Вы меня понимаете?

Одновременно со словами он рисует цифры на бумажке, показывает женщине издалека, в руки не давая.

Вероятность выражается не в процентах. И не десятичной дробью. У вероятности отчего-то много нулей. И отчего-то после нее нарисован значок доллара.

* * *

Чуть позже.

Женщина в машине, с водителем, возвращается домой, в свой загородный особняк.

Сидит, смотрит вперед невидящим взором... Мысли далеко. Вернее, одна мысль: где раздобыть деньги?

Срок – три дня. Денег нет. Задача не имеет решения.

Карточка безлимитная, но счет под контролем, снять нужную сумму наличными – мгновенно возникнут вопросы, ответов на которые не придумать...

Украшения?

Да, они стоят немало, наверное, хватило бы... Однако бриллианты так просто не взять, в ломбард не отнести... Они лежат в запертом сейфе, ключи у мужа...

Решения нет... И все-таки она надеется что-то придумать. Вдвоем придумать...

Три дня – большой срок... Вдвоем они что-нибудь придумают... Обязательно.

Она не догадывается, что трех дней у нее нет... Даже одного нет, – муж уже в курсе – он предусмотрительный, все проверяет, ничего не пускает на самотек... У него с потрохами куплен свой человек в клинике, – и результаты теста получены помимо врача-взяточника.

Она возвращается и вскоре начинается разрушение детской...

* * *

Тот же день, вечер.

Женщина в гостевой комнате особняка. Под домашним арестом. Ни телефона, ни прочих средств связи. Дверь не заперта, но за ней два лба-охранника. На вопросы не отвечают, на просьбы не реагируют. А как, бывало, бросались выполнять любое пожелание хозяйки... Одну просьбу, впрочем, уважили, причем дважды, – отконвоировали до туалета и обратно.

Она сидит на кровати, другой мебели в комнате не осталось, вынесена. Только встроенный книжный шкаф, его не убрать, не разломав стену. Книг в нем нет – лежат стопками глянцевого журналы, рекламные каталоги. На всех – улыбающиеся лица довольных жизнью людей. Ей кажется, что вся эта макулатура оставлена здесь специально, для издевки...

Случайно так получилось или нет, но супружеская спальня невдалеке. Судя по звукам оттуда, муж обещание сдержал... Вызвал шлюху. Или двух. Или трех. И трахает. На супружеской кровати.

Тревожно. Очень тревожно...

Все в доме не так...

Водили ее в дальний туалет, для прислуги, – спартанский закуток с унитазом, никаких излишеств. Прислуга куда-то исчезла, вообще вся... Охраны больше обычного, у всех морды кирпичами, смотрят в сторону... Ни одного сочувствующего взгляда.

Даже пес ведет себя более чем странно... Воздух в доме буквально наэлектризован предчувствием нехорошего, близящейся беды...

Страшно... Боже, как ей страшно...

Семейная жизнь закончилась, и совсем не так, как они планировали с настоящим отцом, – об алиментах можно позабыть, а раздел имущества и без того не предусмотрен брачным контрактом.

Но все это сейчас неважно... Алименты, имущество... Женщина о них не вспоминает.

Вспоминает другое. В бизнесе мужа есть кое-какие темные моменты, о которых она предпочитала не знать... Бродили, бродили слухи о всяком... О смерти конкурентов или компаний, например, на редкость своевременной.

Она не брала в голову, не задумывалась... Богатым и успешным всегда завидуют, и чего только не сочиняют о них.

А теперь призадумалась, но не верит, не желает даже мысленно допустить самое страшное... Да, он ее выгонит, как взял, без ничего. И все... Все! Ничего страшнее того не случится...

Успокаивает сама себя и сама себе не верит.

В глубине мозга сидит маленький пессимист... Или маленький реалист... Он знает: произойти может что угодно.

* * *

Чуть позже.

– Тебя убьют. И меня. Без вариантов. У всей охраны взяли кровь на анализ, у прислуги тоже. Результаты будут к утру.

Ему тридцать с небольшим... Чеканный профиль, уверенный голос, – не дрогнувший даже сейчас, когда речь зашла о смерти обоих.

Она не спрашивает, отчего он так уверен в фатальном исходе... Он начальник охраны, он знает, а о большем лучше сейчас не задумываться...

– Мы сбежим, да? Попозже, когда все уgomонятся?

Он объясняет: так просто не получится. Бодигардов от дверей он отослал с поручением, но внешняя охрана получила инструкции лично от хозяина. К тому же вырваться отсюда – лишь начало...

– Нас будут искать и найдут. Ничего не готово, нет новых документов, ничего... Долго в прятки не поиграем.

Она не понимает его... Их утром убьют – а он так спокоен?! Что, вообще, происходит?!

Он обнимает подругу, целует, нежно поглаживает торчащий живот.

– Не волнуйтесь, маленькие. Вам сейчас вредно волноваться. Если нельзя сбежать, обязательно сидеть и ждать, когда придет кирдык. Можно планоно отступить. Можно напасть самому... Интересно, для беременных шьют черные траурные платья?

За дверью слышатся голоса возвращающихся бодигардов. Он торопливо выходит, шепнув на ухо: «Все разрулю». Она чувствует: не пустые слова, настроен и впрямь решительно... Но ей от той решимости только страшнее.

* * *

Еще позже.

Долгий истошный вопль. Женщина бросается к дверям. Напуганный малыш толкается в трубе. Охранники сами встревожены, ничего не понимают, но женщину не выпускают. Один привалился спиной к двери – не сдвинуть, не выглянуть наружу даже в щелку.

Она не знает, кто и зачем кричал... Но показалось (или не показалось?) что вопил ее муж... Все закончилось? Вдова? Можно успокоиться и пролистать каталог в поисках траурного платья для беременных?

Там, за дверью, какая-то суета. Слышны голоса, слов не разобрать. Кто-то с громким топотом пробежал мимо по коридору. Шум стихает. И все... Ничего не известно, ничего не понятно.

Несколько минут она проводит, как на качелях: вверх-вниз, вверх-вниз... От надежды к отчаянию. От отчаяния к надежде. Малышу такие качели не нравятся, он протестует все настойчивее.

Не закончилось ничего...

Выстрелы! Один, второй! Короткая пауза – и еще три, один за другим.

Теперь она стоит у дверей и сомнений нет: стреляют в спальне. В процессе превращения во вдову явно что-то пошло не так...

Ноги не держат. Малыш беснуется. Она добредает до кровати, садится, затем заваливается на бок, вцепившись в руками в живот... С ней произошла странная метаморфоза: сил бояться и тревожиться не осталось. Вопрос, что произойдет раньше: ее убьют или случатся досрочные роды? – вызывает вялый интерес... Слово речь идет о судьбе героини на редкость скучного сериала. Хочется спать. Уснуть и проснуться в нормальном мире, убедиться, что привиделся кошмар, – и побыстрее его забыть, и никогда не вспоминать... Малыш притих, и она начинает засыпать.

Но кошмар не желает так просто отпустить свою жертву, позволить ей ускользнуть в бессознательность.

В притихшем доме снова начинается пальба. Не в спальне, кажется... Натуральная перестрелка, беглый огонь. Женщина слышит топот за дверью, ее охранники не усидели, рванули туда.

Ей страшно, ей уже не хочется знать, что происходит. Но и на месте не усидеть, вернее, не улежать. Встает – и тихонько, вдоль стеночки, ноги плохо держат, – туда. В доме происходит странное и страшное, но неизвестность еще страшнее.

Дверь никто не охраняет. Коридор пуст. Действие переместилось в обширный холл первого этажа.

Выстрелы больше не звучат, и все равно в холле – самая настоящая бойня. Главный ее персонаж – Фредди, добродушнейший пес, совершенно безобидный, невзирая на громадный размер.

Мир скатился в кошмар – и добродушие пса исчезло, прихватив с собой безобидность. По холлу мечется окровавленный мохнатый демон. Вокруг него тела, располосованные чудовищными клыками. Змеятся выпущенные кишки. И кровь, очень много крови...

От этого зрелища желание женщины наконец-таки сбывается. Она проваливается в благодатное черное ничто.

* * *

Чуть позже.

Она быстро очнулась, – и прекрасно помнит, что происходило перед обмороком, и безмерно удивляется, что не родила... Она лежит, не в силах встать, и не понимает, как ее любовник умудрился подготовить и сотворить ТАКОЕ. Пса, допустим, можно ввести в бешенство каким-то препаратом... Но остальное?!

Она лежит в коридоре, ведущем в холл, и вдруг понимает: а ведь там ничего не закончилось... Кое-как поднимается на ноги, видит: декорации те же, густо залитые красным, но персонажи поменяли состав... И пьеса другая. Классический любовный треугольник: любовник жестоко избивает ногами мужа, затем мочится на его лицо, а жена – ошарашенная, онемевшая – со стороны наблюдает мизансцену. Выпученными глазами.

Кульминация пьесы явно недотянута: любовник стреляет в голову мужу. Как-то просто и буднично, без финального патетического монолога, без какой-либо театральщины. Короткая фраза – бах! – большая клякса из крови, из частиц костного вещества и мозга.

Теперь-то она точно вдова... Медицина такое не лечит. Но как объяснить все произошедшее людям в погонах, от которых скоро здесь будет не продохнуть?

Вдову крайне интересует этот вопрос... Больше, чем все остальные: кошмар закончился, но надо избежать его последствий, не допустить, чтобы они обернулись новым кошмаром... Она зовет любовника по имени, времени мало, надо срочно сочинить съедобную для следствия версию.

С любовником происходит нечто странное... Смотрит на подругу, поднявшуюся наконец на ноги, словно бы не узнавая. И движется странно, пластика как не своя... Женщина вдруг понимает: перед тем, как пристрелить ее супруга, любовник произносил что-то непонятное. И каким-то не своим голосом...

Вдова вновь обращается к убийце мужа, – громче, тревожнее, словно рассчитывает докричаться сквозь невидимую стеклянную стену... Он будто не слышит. Поднимает пистолет, берет ее на прицел... Чужие движения. Чужой взгляд чужого человека.

Но стреляет он все же не в нее, в себя. Бах! – и вторая кроваво-костно-мозговая клякса. На общем фоне она почти не заметна. Тело любовника падает на тело мужа.

Женщине нестерпимо хочется проснуться. За окнами воют сирены.

Она падает, корчится, хватается за пах – и чувствует, как по пальцам течет мокрое и горячее.

2. Изнутри

Многие используют выражение «Мой дом – моя крепость», но мало кто воспринимает его буквально, как руководство к действию.

Однако господин Трушин воспринял затертый словесный штамп именно так, буквально. Настоящий укрепрайон отгрохал на своем загородном участке. Благо участок не маленький, навскидку этак с половину гектара, – нашлось, где развернуться.

Высоченная кирпичная стена, по периметру окружавшая владения г-на Трушина, тянулась к небу метра на три, три с половиной, – если смотреть издали. Подобравшись поближе, можно было убедиться: Великая Трушинская Стена как минимум в полтора раза выше, поскольку у самого ее подножия начинался натуральный крепостной ров, в девичестве – водоотводная канава, но изрядно углубленная, расширенная, с забетонированными берегами и дном. Воды во рву-канаве не было. Возможно, г-н Трушин дождался, когда подвезут заказанных крокодилов. Или планировал чуть позже заполнить рукотворный водоем более смертоносной жидкостью, – серной кислотой, например.

А вот что в гости к нему пожалует кто-то вроде меня, г-н Трушин явно не планировал...

Однако я взял да явился. Встречайте.

Но никто меня не встречал, не останавливал... Ни двуногие охранники, в количестве двух персон бдящие в сторожке у массивных кованых ворот. Ни четвероногие охранники-ротвейлеры в количестве трех голов, выпущенные погулять по участку ввиду вечернего времени. Ни хитрая электроника, надзирающая за безопасностью... Никому я не интересен, даже немного обидно.

Но я стал необидчивым в последнее время, не замечают – ну и ладненько.

Движусь по участку, исследую обширные владения г-на Трушина.

Размашисто он живет, ничего не скажешь... Жизнь удалась.

Летняя кухня... Гараж... а под особняком, судя по забетонированному въезду, еще один, целый автопарк тут у них. Небольшая детская площадка: грибочки, качельки-карусельки, песочница... Для кого, интересно? Своих детей у владельца недвижимости нет, насколько я знаю.

На отшибе стоят два дома-близнеца из финского клееного бруса, в обоих окна светятся. В каком-нибудь шестисоточном дачном садоводстве любой из них вполне сойдет за главную усадьбу, но в этих, разумеется, живет прислуга или охрана... Мою догадку подтверждают несколько машин плебейского вида, припаркованных там же.

В ближнем доме аж восемь человек, и все – молодые крепкие мужчины. Охрана... Шестеро упакованы в камуфляж, сидят в одной комнате на первом этаже, на работающий телевизор внимания почти не обращают. Еще двое наверху, отдыхают: один спит, другой возится с ноутбуком, не то играет, не то странствует по Сети...

Немного поразмыслив, понимаю систему здешней охраны. Дежурят они по шесть человек, в три смены по восемь часов. Экономные люди заставляют охранников отрабатывать по двенадцать часов, а то и сутки через двое... Но г-н Трушин, как я уже убедился, экономить не привык. Или сам знает, или кто-то понимающий ему растолковал, насколько падает бдительность и скорость реакции телохранителей к концу двенадцатичасовой смены, не говоря уж о суточной.

Шестеро в камуфляже сидят наготове – скорее всего, пересменка произойдет в полночь, до нее чуть более получаса. Следующая смена заступит утром, и как раз из нее те двое, что отдыхают сейчас наверху. Остальные же, вероятно, здесь не живут и ездят на службу из дома. Но мне до них, до остальных, дела нет: тех, кто меня интересуется, я уже увидел.

Ну вот, теперь пора в особняк. Предварительная информация собрана – переходим к официальной части визита.

И тут меня наконец-то замечают... Не люди и не техника – сторожевой пес, ротвейлер. Стоит в боевой стойке, напружинившись. Демонстрирует клыки, низко и еле слышно рычит.

Смотрю на него, посылаю мысленный сигнал: «Уйди!!!»

Сигнал не действует... Пес чуть ниже припал к земле, но и только. Наверное, придется по-плохому... Не хотел, но придется.

Медленно движусь в его сторону и ротвейлер не выдерживает. Разворачивается и скачками уносится прочь. Вот так-то... нечего тут зубищи скалить.

* * *

В особняке, как я и предполагал, четверо охранников. Они хозяйскому досугу не мешают. Двое зачем-то обосновались в дальнем крыле, еще двое – в небольшой пультовой при входе. Там целую стену занимают экраны, транслирующие все, что видят камеры наблюдения, наружные и внутренние. Апартаменты на втором этаже камерами не оборудованы, или же оборудованы, но сигнал идет не сюда, незачем челяди пялиться на хозяйские интимные секреты.

Мои надежды, что под конец смены эта парочка расслабится, не оправдались. Оба самым внимательным образом уставились на один экран, где крутиться не какая-нибудь порнушка, как можно было бы ожидать. Нет, на экране воспроизводится в записи недавнее происшествие: ротвейлер, рычащий вроде бы на пустое место.

Хваткие ребята, наблюдательные, – обратили внимание на неправильное поведение собаки. Один из охранников возится с настройками экрана, регулирует контрастность и яркость, – и на очередном повторе они наконец-таки видят, на что рычал пес: смутное, едва различимое в полусумраке пятно неопределенного контура. Словно из земли в том месте поднимаются какие-то испарения, несколько иначе преломляющие и рассеивающие свет, чем обычный воздух.

Именно такая версия, с испарениями, принята после короткого обсуждения. Решают нанимателя не беспокоить, но запомнить место и завтра взять пробы грунта – вдруг там пролита ртуть или еще какая-то гадость, совсем не полезная для здоровья?

Меня не интересует кино, что я смотрю из-за спин камуфляжников, – как я теперь выгляжу, уже имел оказию полюбоваться в зеркале. Пустые догадки касательно ртути и прочих вредных для здоровья веществ тоже не интересны: лишнее здоровье этим ребятам уже не понадобится, на остаток жизни им хватит и того, что есть...

Ладно, пора переходить к главному.

Господин Трушин здесь, на месте, я видел, как прикатил его пультман-лимузин, – а эта громадина на колесах возит только хозяина да тех, кого он пригласил составить компанию. И никого больше, без исключений.

До визита навех, в хозяйские апартаменты, на первом этаже особняка происходит еще одна встреча.

Вновь собака... Но какая! Бегающие по улице ротвейлеры в сравнении с ней – как малолитражки охранников в сравнении с лимузином шефа. Ростом с теленка, вес, наверное, под центнер, а уж пасть... Испанский мастиф. Стоило назвать эту породу испанским мастодонтом.

Мастиф-мастодонт меня чует или как-то еще ощущает. И явно не понимает, с кем столкнулся. Но агрессии не проявляет, не натаскан на нее против всех чужаков, в отличие от ротвейлеров. Громоздкая туша даже на лапы не соизволила подняться или порычать для приличия... Но внимательный взгляд мастифа направлен на меня, сопровождает мой подъем по лестнице.

Молодец, хорошая собачка. Пожалуй, я чуть позже воспользуюсь твоими услугами. Ведь ты не возражаешь? Впрочем, можешь возражать, мне без разницы...

* * *

А вот и главный объект моего визита – господин Трушин. Владелец заводов, газет, пароходов и букмекерского агентства «Фортуна-лайн». Депутат муниципального совета, кандидат в Думу на минувших выборах (впрочем, не прошедший), директор-распорядитель благотворительного фонда своего имени и прочая, и прочая...

Ему пятьдесят четыре года. На вид и не скажешь: держит себя в форме, выглядит моложе... Внизу в ходе ознакомительной экскурсии я обнаружил тренажерный зал на одного ВИП-клиента, и видно, что клиент ходит туда не для профформы. Оно и правильно: если уж живешь такой устроенной и обеспеченной жизнью, грех отчаливать на тот свет раньше срока из-за пренебрежительного отношения к здоровью.

Поджарое и накачанное тело г-на Трушина я имею возможность рассмотреть во всей красе, никакими одеждами оно не прикрыто. Поскольку владелец особняка, лимузина и испанского мастифа занимается сейчас сексом.

Подсознательно я ожидал, что и секс у столь незаурядного человека окажется каким-то особенным... Например, с победительницей последнего конкурса «Мисс Россия» и с парочкой вице-мисс, – со всеми тремя одновременно. Или что-нибудь на редкость извращенное, садо-мазо с маленькими мальчиками (для кого-то ведь возведены на улице грибочки-качельки-песочницы). На худой конец азиат-трансгендер – но тогда уж в джакузи, наполненным шампанским...

Действительность оказалась заурядной и обыденной.

Обычная кровать. Вернее, обычная для роскошных спален, обставленных в стиле «ампир», – здоровенный траходром с балдахином, здесь запросто поместятся все финалистки «Мисс России» и останется еще место для парочки членов жюри.

Однако партнерша в единственном числе и тоже достаточно обычная. Молода, конечно, на десятилетия моложе господина Трушина. Но все же не настолько, чтобы затевать дело о педофилии: девушке на вид лет восемнадцать-двадцать и тянет она на «Мисс района», самое большее. Не повезло ей. Под несчастливой звездой родилась, хотя сама наверняка считает сейчас обратное.

Никаких изысков из репертуара «Камасутры» на ампирном траходроме не происходит – вполне стандартная коленно-локтевая позиция.

Некоторое время наблюдаю за ними – без малейшего интереса, прикидывая, как лучше начать. Эротическое шоу близится к концу, к финалу, к пароксизму страсти... Проще говоря, к оргазму. Исключительно со стороны г-на Трушина близится: он не видит сейчас лицо партнерши, а я вижу, – сосредоточенное у нее лицо, даже несколько скучающее. Понятно... О поздней любви, сокрушившей все преграды, в том числе разницу в возрасте, речь не идет, девушка на работе... Впрочем, постанывает в такт толчкам она вполне убедительно, словно и впрямь все происходящее ей весьма приятно.

Ритм толчков и стонов учащается. Но закончить выступление г-н Трушин желает иначе. Извлекает свое орудие... да уж, отнюдь не «Большая Берта»... без слов, легким похлопыванием отдает команду девице. Та понятливая, быстренько разворачивается, открывает рот...

Выражение ее лица мгновенно меняется и изображает теперь райское блаженство. Словно ничего вкуснее отrostка г-на Трушина эта шлюшка в жизни не пробовала.

Ну что же, удачно они заканчивают... Подходящий момент, чтобы мне начать. Лучше не придумаешь.

Вперед!

* * *

Говорят, что опытные шлюхи-минетчицы специально тренируются с фаллообразными предметами, подавляют у себя рвотный рефлекс. Если так, то эта, несмотря на молодость, из бывалых и опытных профессионалок... «Берта» между ног у Трушина или нет, но пушечный ствол девица заглотала по самое дальнее некуда.

Беда в том, что ее рефлексы сейчас там же, где она сама, – а где она, я на самом деле понятия не имею. Может, вышвырнута из тела в черное ничто... Может, забилась куда-то в глубины бывшего своего организма, так что ее не видно и не слышно, – и воет там в бессильном ужасе, не в силах ничем повлиять на происходящее.

Не знаю, да и плевать. Важно только одно – у этого грудастенького мягонького тельца сейчас в наличии лишь мои навыки и память. И мои рефлексы... В том числе рвотный. Он, рефлекс, немедленно заявляет о себе. Я-то не тренировался в минетах, ни на фаллообразных предметах, ни на живых людях...

Изо всех сил сдерживаю рвоту. Сил, кстати, не так уж много, мускулатура досталась в наследство изнеженная и слабая. Но мышцы челюстей у любого человека самые развитые из всех. Уж их-то регулярно тренируют, три раза в день, а кое-кто и чаще. А большего сейчас и не надо.

Пока я осваиваюсь с телом, г-н Трушин удивляется: с чего бы это шлюшка прекратила возвратно-поступательные движения головы? Не время останавливаться, не тот момент... Чувствую его ладони на затылке – нетерпеливо давят, подталкивают. Г-ну Трушину хочется его законных и оплаченных ощущений.

Получай!

Стискаю зубы. Они у шлюшки острые, хоть в чем-то повезло. Но разом откусить не получается – вязну в упругой, словно резиновой плоти.

Дикий вопль бьет по ушам. В рот хлещет горячая и соленая кровь. Кулак бьет по голове, и еще раз, и еще... За дверью слышны громкие голоса.

Не разжимаю челюсти. При нужде так и умру, как питбуль, – не разжав. Вернее, умрет чужое тело. А я продолжу то, зачем пришел.

Не прекращая вопить, г-н Трушин выдает мне страшный прямой удар в лицо. Нос разбит, может, даже сломан. Верхняя губа – в кровавую кашу. Я отлетаю, как тряпичная кукла. Отлетаю со столь дорогой Трушину деталью организма во рту.

Упав с кровати, хрустко ударяюсь затылком обо что-то. И отключаюсь.

* * *

Нет, сам-то я не отключился. Просто перестал что-либо видеть, слышать и как-либо еще ощущать.

Черное ничто... Здесь невозможно куда-то двигаться за отсутствием направлений. Здесь нет течения времени, потому что ничего не происходит. Космический вакуум прямо-таки переполнен вещами и процессами – в сравнении со здешней абсолютной пустотой.

Пустота – и я в ее середине, не способный хоть что-либо сделать, – только думать.

И я думаю... Сомневаюсь и тревожусь. А вдруг я теперь здесь застрял навеки? Дважды удалось выбраться, но кто сказал, что так будет всегда?

Остается лишь надеяться, что и в третий раз я отсюда уйду. Когда тело юной шлюшки оклемается либо умрет, – уйду. Потому что иначе старый добрый ад с кострами, котлами и чертями покажется заветной и недостижимой мечтой.

* * *

Тело предпочло еще пожить... И вернулось в реальность, не особо для него радужную. Болит все... Рот наполнен кровью и обломками зубов, и никак эту гадость не выплюнуть, губы заклеены скотчем. Левый глаз ничего не видит: может, опух и закрылся, может, залит кровью... Туда г-н Трушин не бил, возможно, постарались его охранники, попинали бесчужденную злоумышленницу.

Сейчас она валяется на полу, по-прежнему голая. И я валяюсь, разумеется. Почти ничего не вижу с этой позиции, но и на меня никто внимания не обращает. В спальне, вне поля зрения, происходит какая-то возня, там оказывают помощь пострадавшему... Судя по обрывкам реплик, никак не могут остановить кровь.

Но удобным моментом не воспользоваться – рука прикована наручниками к ножке кровати. Обычно приковывают к батарее или трубе, но здесь не тот случай, труб в спальне нет ни одной, упрятаны под обшивку стен. Но мне оттого не легче: подозреваю, что шлюшка даже в лучшей своей физической форме не смогла бы приподнять монументальный траходром.

Возможно, поднимать ничего не потребуется... Возможно... У Трушина мозгов больше, чем у всей его камуфлированной банды. Должен сообразить, что врачи могут пришить утерянное. Если сразу, не мешкая, положить откушенный орган в холод... В идеале – в специальный криоконтейнер, но по беде сойдет и пакет со льдом из морозилки.

Вопрос в другом: а где сейчас откушенное? С кровати я летел с мыслью: проглотить, немедленно проглотить! Успел ли рефлекторно сглотнуть, когда приложился затылком?

Если успел – пристрелят и выпотрошат. Или заживо вскрыют желудок, с Трушина станется... Будет больно, зато получу свободу и продолжу начатое.

Не получу и не продолжу – понимаю я секунду спустя, когда в спальню с громким топотом врывается еще один камуфляжник.

– Принес! – радостно выкрикивает он. – Кидайте скорей!

И я соображаю, что ничего не проглотил... Трофей остался во рту, его оттуда извлекли, – не церемонясь, поломав зубы. А если так – чужое тело превращается в ловушку, в капкан. Слишком много свидетелей, чтобы пойти на мокруху... У г-на Трушина есть двое или трое охранников, способных на все. Но сейчас его дикий вопль собрал тут всю охрану, обе смены... Проще сдать шлюшку в лапы закона, чем обеспечить молчание всех свидетелей, – тем более что Трушин в данном конкретном эпизоде чист и невинен, аки младенец.

Ну я и попал...

* * *

Было следствие и был суд, а до него – две неудачных попытки покончить с собой в следственном изоляторе.

Приговор... Вместо зоны – спецпсихушка, что еще хуже. Будут держать до исцеления, а я не исцелюсь никогда... Никогда не вспомню, как звали обладательницу этого тела, кем она была: память у меня совсем иная, моя. А рассказать правду – поставят еще один диагноз в дополнение к имеющимся.

Пометка в личном деле о склонности к суициду... Она делает практически невозможным добровольный уход из жизни, но я все же пытаюсь. Вариантов не так уж много: попытка уморить себя голодом привела к насильственному внутривенному кормлению; все попытки не дышать заканчивались одинаково – сучий организм цеплялся за жизнь и, едва я терял за ним контроль, вдыхал воздух.

И так год за годом, год за годом, – в тоскливом ожидании, когда живая тюрьма состарится и наконец-таки сдохнет... Ну зачем, зачем, зачем я влез в такое молодое тело? Идиот...

* * *

Разумеется, ничего этого не произошло. Вся невеселая картинка грядущей жизни лишь мелькнула перед мысленным взором, когда я все же попытался – безуспешно – приподнять монструозное ложе.

Ну уж нет, годами ждать смерти в палате с мягкими стенами не буду... Я заставлю вас меня убить, черт подери! Даже если для этого придется отгрызть себе руку! Не говоря уж о том, что перегрызть пару чужих глоток и заработать тем пулю в упор, – для меня не повод для сомнений.

Но прежде чем заняться самоедством, пытаюсь протянуть кисть сквозь браслет. Он защелкнут второпях и сидит на запястье не очень плотно, а ручки у шлюшки тоненькие, хрупкие... Нет, не пролезает. Вазелину бы сюда... Или те лубриканты, что использовал г-н Трушин в интимной жизни, – ему все равно не скоро потребуются...

Идиот! Есть же отличный лубрикант... Свободной рукой отдираю с губ скотч, наклонюсь над прикованной рукой. Ох, сколько ж крови скопилось во рту, и это я еще сглотнул пару раз.

С кровавой смазкой дело движется куда лучше, кисть потихоньку протискивается. Да только моя возня незамеченной не осталась. Шаги за спиной, резкий окрик:

– Не балуй, сучка!

Голос старается звучать сурово и грозно, но, судя по тембру, принадлежит молодому парню, ровеснику шлюшки...

Рву руку изо всех сил, так, чтобы оторвать или освободить. Кожа лопается, обдирается, плевать...

Есть! Свобода!

Вскакиваю, разворачиваюсь.

– Стоять! – командует мне другой охранник, похоже, старший смены, именно он отдавал распоряжения остальным.

В его руке «Иж», – служебная, под укороченный патрон, модификация «Макарова» для охранных структур.

Ствол направлен мне в живот, но кто же будет без крайней нужды палить по живым людям из легального оружия, отстрелянного для Федеральной пулегильзотеки? Для таких дел имеются левые, нигде не засвеченные пушки...

Тут я замечаю, что на меня уставился еще один ствол: камуфляжные брюки охранника бугрятся от мощной эрекции. Фу-у-у... Ну и вкусы у него, так возбудился на окровавленную, с разбитой мордой голую тварюшку... Вроде и не мальчишка, лет тридцать на вид.

Бью носком босой ноги прямоком в бугрящуюся ткань. Изо всех сил, отбиваю пальцы, может, даже выбиваю их из суставов.

Парень рефлекторно давит на спуск. Выстрел, еще один!

Обе пули попадают в живот. До чего же больно...

Пытаюсь отключить боль, абстрагироваться от нее, уговариваю сам себя: потерпи чуть-чуть, сейчас освободишься... Получается плохо.

А самое поганое, что с этими ранами (и с этой болью, с этой чертовой болью!) можно прожить еще несколько часов... Хуже того, врачи могут спасти и вылечить, – тогда все вернется к прежнему алгоритму: суд, психушка, долгое и мучительное ожидание естественной смерти.

Стрелявшему немногим легче, чем мне. «Иж» падает на паркет, его владелец вцепляется двумя руками в ширинку.

Ныряя рыбкой, тянусь к пистолету.

Пальцы уже вцепляются в рукоять, когда высокий шнурованный ботинок бьет мне в лицо, это вмешался один из коллег пострадавшего...

Резкая боль в сломанной челюсти даже заставляет на миг забыть об огне, пылающем внутри, в простреленных внутренностях. Но о том, зачем я тянулся к оружию, не забываю: давлю на спуск, первые две пули – в обидчика, сломавшего мне челюсть, третья – во владельца «Ижа».

Четвертый раз выстрелить не успеваю. Яркая вспышка перед глазами, короткий полет в никуда, – и снова черное ничто и я в его центре.

* * *

Шлюшка лежит на полу, так и не выпустив из руки пистолет. Пуля попала в голову, агония не затянулась. Наконец-то я смотрю на нее со стороны, выбравшись из живой тюрьмы.

Правильные рефлексы оказались у кого-то из охранников: если уж по вам открыли пальбу, не миндальничайте и не разглядывайте голые сиськи, – стреляйте сразу наповал. Интересно, он еще здесь? Я даже не успел разглядеть, чья пуля поставила точку в предыдущей фазе моего существования.

В комнате трое живых, трое мертвых, ну и я, не знаю уж, по какому ведомству сейчас проходящий... Пока возвращался из темноты, г-на Трушина успели куда-то эвакуировать. Пакет со льдом и откушенной частью тела тоже унесли.

Двое из оставшихся в спальне наклонились над убитым сотоварищем, что-то с ним делают. Третий стоит за их спинами, в его опущенной руке пистолет. Не он ли застрелил девушку? Какая разница... Главное, что пистолет наготове, не надо тратить время, разбираясь, где у охранника кобура. Менты, хе-хе, свихнутся, распутывая это дело, пытаюсь восстановить ход событий и мотивы действующих лиц... Вперед!

Бах! Бах! Два выстрела в упор, в затылки. Повезло ребятам, даже не успели понять, что умирают.

Баланс живых и мертвых в спальне изменился. Трупов теперь пять – и я, пока живой. Но что-то мне подсказывает – и это тело долго не протянет. Да и хрен-то с ним.

Внизу, на первом этаже, раздаются какие-то крики. Там услышали выстрелы и встревожились. Так легко, как здесь, прикончить остальных не получится... И я дополнительно вооружаюсь: забираю пистолеты у двух мертвецов, один затыкаю за пояс, второй беру в левую руку.

«Ну чем не Рембо?» – с такой мыслью я выхожу из спальни, и мгновенно выясняется, что супермен из меня хреновый. Тело в моем подчинении теперь молодое, мускулистое, натренированное, – но его умение прыгать под пулями и стрелять в ответ (если даже такое имелось) унес с собой прежний владелец. А мои навыки стрельбы, полученные в тире да на охоте, помогают мало.

Едва ли враги сумели понять, что происходит. Но дверь спальни держат под прицелом – и моя попытка начать стрельбу завершается быстро и плачевно. Успеваю сделать три шага и один выстрел, никого не зацепивший.

Первая пуля попадает ниже левой ключицы. Откидывает к стене. Больно, мать твою... Мог бы привыкнуть после стольких смертельных ранений, но все никак не привыкну.

Еще один болезненный удар – в бок. Камуфляж быстро намокает красным. Левая рука повисла плетью. Пытаюсь стрелять правой, но рука ватная, словно не своя: оружие в ней болтается, как маятник, спусковой крючок стал невероятно тугим и не поддается усилиям пальца.

Пуля в плечо прекращает мои бесплодные попытки. Тотчас же еще одна, чуть выше колена. Качусь с лестницы живым сгустком боли, желая лишь одного: сломать шейные позвонки и освободиться побыстрее. Не получается, болезненная агония затягивается на несколько минут.

За эти минуты вспоминаю про испанского мастифа... Я ведь кое-что обещал этому мохнатому парню. Пора исполнить обещанное.

* * *

Позже я пойму, какой ошибкой стало решение влезть в собачье тело.

Дело даже не в том, что трудно управляться с мышцами, непривычно сгруппированными. И не в особенностях собачьего зрения, хотя по человеческим меркам я стал изрядно близоруким дальтоником, не способным отличить синий цвет от зеленого, и мир вокруг меня казался совсем иным, словно я угодил на похожую, но все же другую планету.

Но главная проблема в размерах и возможностях невеликого собачьего мозга... Запихнуть в него личность человека – все равно, что поставить современную программу на старенький компьютер. Даже если встанет и заработает, быстрое действие станет удручающим, а многие опции окажутся недоступными. А может и вообще не заработать... Я сильно рисковал. Вполне мог задержаться в собачьем теле лет на десять-пятнадцать в статусе «не активизированной программы», не способной принять управление на себя...

Но все эти мысли придут позже. А сейчас я не знаю слов «программа» и «управление», не понимаю, что означают эти сочетания звуков.

Мыслить получается примерно так:

Горло. Мягкое. Рву клыками. Кровь. На морду. Вкусная. Выстрелы. Не боюсь. Мимо. Прыжок. Лапами в грудь. Горло. Выдираю. Одним укусом. Кровь. Запах пороха. Резкий, терзающий нос. Ненавижу. Рука. В ней пистолет. Откусываю. Запах крови. Приятный. Боль. Неважно. Прыжок... Не получается. Неважно, все равно вперед. Хоть как. Хоть ползком. К горлу. Кровь. Вкусная. Звуки исчезли. Ничего не слышу. Теперь исчезает картинка. Весь мир из запахов. Неважно. Вперед. К горлу. По запаху.

У-ф-ф-ф...

Отмучался пес. Но до чего же был живучий и до чего же имел высокий болевой порог... Но в собачье тело меня теперь не заманишь.

Обширная гостиная на первом этаже напоминает разделочный цех бойни. Красное, красное, всюду красное... И не нужно обладать чутким собачьим носом, чтобы ощутить сильный запах крови. Даже острый запах сгоревшего пороха не в силах его перебить.

Минус еще трое охранников... Одного я узнаю, коллеги его звали, не знаю уж почему, Дыркой, – и к нему у меня имелся отдельный счет. Получено по счету сполна: умер Дырка крайне мучительно. Теперь он вполне соответствует прозвищу: разворочанное брюхо – одна сплошная дыра. Лохмотья окровавленной ткани, лохмотья окровавленного мяса... Страшная штука – зубы испанского мастифа. Кишки из Дыркиной дыры тянутся на несколько метров, выпали, когда он до конца пытался уползти, спастись, спрятаться... А я не мешал попыткам, не подарил гаду легкой смерти. В маленьком собачьем мозгу нашлось-таки местечко для мстительности.

Трушин еще жив. Лежит на диване, задрапированный в халат. В недавней бойне он никак не участвовал, обессилел от потери крови. А я его не тронул, он должен умереть, зная, почему и зачем умирает.

Но как его прикончить? Чьим телом?

Я-то планировал оставить в живых кого-то из охранников, намеревался в конце схватки позволить последнему изрешетить собаку, – а уж затем с помощью его тела разобраться с Трушиным. Не сложилось. Собачий мозг оказался не способен запомнить и воплотить немудреный план. Пес прикончил всех, кто в него стрелял, – и сдох от множественных пулевых ранений.

Двое охранников, наверное, до сих пор в караулке у ворот. И где-то еще двое, их сменщики... Плюс те, что отдыхали в доме охраны.

Искать кого-то из них и приводить сюда – большая потеря времени. Наверняка «скорая» и полиция спешат сюда на всех парах, а ни медики, ни полицейские ничем передо мной не провинились.

Однако и дарить г-ну Трушину легкую смерть не хочется. Прикончить его не вопрос: скатится с дивана, отыщет в кровавом месиве пистолет и добавит свои мозги к натюрморту. Но он не заслужил легкой смерти.

Пока я терзаюсь сомнениями, сверху доносится стон. Вроде бы из спальни... Недоработка? Кто-то уцелел? Спешу туда.

Так и есть. Охранник, получивший от меня удар в пах, еще жив. По причиндалам ему прилетело от души, а вот пуля лишь скользнула по черепушке. Но что ни делается – все к лучшему.

Обосновавшись в новом теле, ищу взглядом оружие. И не нахожу... Сам же утащил вниз, когда решил поиграть не то в Рембо, но то в Терминатора... Все пистолеты сейчас лежат на первом этаже, среди трупов, кишок и крови.

Ковыляю по лестнице – голова кружится, пах болит нестерпимо. Потерпи, уговариваю я новое тело, скоро все закончится...

Внизу тоже кое-что изменилось. Господин Трушин сполз со своего диванчика и побрел куда-то, согнувшись буквой «г». Не на улицу побрел, в глубину дома.

Оружие искать некогда. Да и не нужно... Мои новые ботинки лишь внешне напоминают форменные «берцы». На самом деле это «гады» – излюбленная обувь футбольных фанатов и прочих агрессивных неформалов. Носки укреплены прочными металлическими вставками, – очень удобно, когда в драке или после нее бьешь кого-то ногами. Или когда надо разобраться с владельцем заводов, газет, пароходов, депутатом муниципального совета и прочая, и прочая...

Я тоже двигаюсь медленно и с трудом, но все же быстрее, чем Трушин. Догоняю, подсекаю ему ногу. Владелец и прочая валится. «Гады» лупят его, тяжелые, как кувалды. Хорошо слышен хруст ребер. Мне нравится этот звук.

Когда Трушин перестает прикрывать руками голову, я останавливаюсь. Не из человеколюбия – чтобы не убить раньше времени.

Жив... На губах булькает, пузырится кровь. Я расстегиваю ширинку и мочусь ему прямо на лицо. Так же, как Дырка мочился в лицо мне, поставленному на колени.

Процесс мочеиспускания для меня крайне болезненный – и тем не менее очень приятный, такой вот парадокс. Моча подкрашена кровью. Парню стоило бы обратиться к врачу... но уже ни к чему.

Живительная влага приводит Трушина в чувство. Отфыркивается, в глазах дикое непонимание происходящего: что случилось? Что за повальная эпидемия сумасшествия сразила всех окружающих, от любовницы до собаки?

Я не хочу, чтобы он умер, так ничего и не поняв. Говорю ему хриплым и чужим голосом, застегивая ширинку:

– Помнишь Савицкого?

Он не помнит... Ну в самом деле, зачем такому важному человеку забивать голову фамилиями всякой мелкой сошки? Даже если сошка доставила определенные проблемы? Проблемы решены, забыто.

– Вспоминай, гнида! Савицкий, экспресс из тридцати позиций, восемь миллионов! Вспоминай!

Наконец-то... По глазам вижу, что вспомнил. Даже пытается что-то сказать, но вместо слов снова кровавое бульканье. Но меня не особо интересует, что этот полумертвец собирался произнести.

– Привет он, Савицкий, тебе передает с того света, – говорю я и понимаю, что говорил зря: Трушин вновь отключился.

Ладно, черт с ним, главное сказано. Пора ставить точку.

Ищу – среди трупов и луж крови – и нахожу пистолет, но он пуст. Все пули улетели в мастифа. А возле дома уже воют сирены, так что стоит поторопиться. Ни к чему втягивать в наши разборки посторонних.

Новые поиски... Что за ерунда, здесь ведь хватало оружия, куда ж оно все подевалось... Перевернув один из трупов, наконец обнаруживаю искомое. Заодно узнаю мертвеца, и понимаю: разыскивать остальных охранников уже не нужно. Я не знаю ни его имени, ни прозвища, но это он выстрелил мне в затылок, – когда затылок у меня был еще свой собственный.

Мерзавец сдох слишком легко – истек кровью из располованного клыками горла. Жаль... Не узнал его, находясь в собачьей ипостаси, не то заставил бы дольше мучиться.

Хочу хотя бы помочиться на мерзкую рожу, но уже нечем, и я всего лишь несколько раз впечатываю в харю рубчатую подошву. Ну вот, теперь она на мой вкус стала гораздо симпатичнее.

Трушин все еще булькает кровью, но в себя не пришел... Приставив дуло к его голове, давлю на спуск.

Женский голос. Хриплый, сорванный, еле слышный... Что за чудное видение тут образовалось?

Супруга? Трушин был женат, но я посчитал, что супруга его сегодня не дома, раз уж вечер оказался посвящен любовнице.

Женщина что-то говорит, я не понимаю слов. Целюсь в нее, но вдруг замечаю торчащий живот. Беременная... Вот, значит, для кого была загодя отгрохана детская площадка... Живи, черт с тобой.

Голоса и топот ног слышны совсем рядом. Пистолет приставлен к виску, но я медлю секунду-другую, не спешу разнести нынешнюю свою голову. Есть сильное подозрение: дело сделано, долг выплачен с лихвой, – и очередной уход станет последним. И я тяну время, люблюсь напоследок тем, что натворил.

– Стоять!!! Оружие на пол! – лупит по ушам вопль и я спускаю курок.

* * *

Раннее утро. Пригородный лес. Наверное, сейчас прохладно, но я не чувствую холода. Зато чувствую недоумение: а что дальше-то?

Не знаю, отчего я решил, будто задержался в этом мире лишь для того, чтобы отомстить, – но решил неправильно. Мсть завершена, а я все еще здесь. Не появился передо мной туннель со светом в конце. Не разверзлась земля, открывая путь в места, предназначенные для грешников. Не начались увлекательные посмертные приключения души, описанные в «Тибетской книге мертвых».

С другой стороны, утверждать, что все религии лгут нам о загробной жизни, тоже несколько опрометчиво. Если бы души безвинно убитых массово бродили по земле в поисках мести, мир превратился бы в кровавый дурдом, в один огромный особняк Трушина, залитый кровью.

Скорее всего, случился какой-то уникальный феномен, какая-то редчайшая аномалия, связанная... поди знай, с чем она связана... но локализовалась конкретно на мне.

...Вот и знакомая полянка. Дерн в одном месте слегка просел, обрисовав контуры вытянутой ямы. Ее выкопал я, работая под прицелом двух стволов. И там, на глубине чуть больше метра, лежит мое родное тело. Как бы мне хотелось его воскресить, но увы, в мертвую органику путь заказан. Проверял, не получается.

В первый раз и в родном теле меня привела на эту полянку страсть к азартным играм. Не то чтобы я был конченным игроманом, способным спустить все до последней рубахи. Азарт

любил, но умел вовремя остановиться, – и проигрывая, и выигрывая. Твердо соблюдал правило: если не везет, проигрывать за визит в казино лишь заранее отведенную на эти цели сумму, и ни рублем больше.

Потом казино позакрывали, и салоны игровых автоматов тоже, и я поневоле увлекся спортивным тотализатором. Опять-таки без фанатизма: каждые выходные делал несколько ставок-одиночек на футбольные матчи, с переменным успехом. А еще ставил сто рублей на длиннейший экспресс – за счет перемножения коэффициентов возможный выигрыш получался баснословным, но вероятность его измерялась ничтожной цифрой... Однако самое маловероятное событие когда-нибудь да случается – и в один злосчастный день ставка-экспресс сыграла... И привела меня сюда, на укромную лесную полянку.

Интересно, когда в ягодно-грибной сезон здесь будет бродить немало людей, – обратит кто-нибудь внимание на просевшую почву? Присмотрится к дерну, увидит, что он был вырезан аккуратными квадратами, затем уложен обратно? Шанс невелик... Когда-то давно здесь шли бои, в лесу множество таких едва заметных понижений почвы, отмечающих давно заплывшие воронки и окопы.

У меня оставалась надежда: если вернусь на место смерти, – может быть, как-то определится дальнейшая посмертная судьба?

Не определилась. Все остается, как было.

Можно, разумеется, завладеть еще чьим-то телом. Отчего бы и нет, раз уж в рай за грехи не берут, а в ад Сатана не пускает... Завладеть, и установить здесь крест с фамилией и двумя датами, а заодно написать для ментов подробный отчет о произошедшем.

О том, как управляющий «Фортуны-лайн» – толстяк, выглядевший достаточно безобидно – предложил сделку: вместо восьми миллионов я получаю триста тысяч, но в рекламных целях изображаю, что получил все, – и раздаю интервью со счастливой улыбкой победителя на лице... Иначе, дескать, не приобрету ничего, кроме судебного преследования за попытку мошенничества: квитанцию объявят поддельной.

Попросив время на раздумья, час спустя я позвонил толстяку и прокрутил запись наших переговоров. И предложил приготовить всю сумму. Если бы я знал, что из-за кризиса дела Трушина весьма пошатнулись и каждый миллион у него на счету, – действовал бы иначе. Да кто ж знал...

Дальнейшее известно: полянка, яма, пуля в затылок.

Ментам будет интересно узнать эту историю, но никакой практической пользы они не извлекут: центральный офис «Фортуны» уже сгорел, толстяк-управляющий умер, застреленный собственным внезапно сбрендившим охранником (а перед смертью поведал, что решение о ликвидации принял владелец заведения, г-н Трушин, а исполнили его личные телохранители). Так что не стоит губить чье-то безвинное тело, чтобы сообщить людям в погонах информацию, переставшую быть актуальной... Какая разница, где лежать? Местечко живописное, ничем не хуже кладбища.

Ладно, надо двигать отсюда... Вот только куда? И зачем?

Придумаю что-нибудь... Разве мало на свете уважаемых мразей вроде Трушина? Поискать, так отыщутся без труда. Подозреваю, что кое-кто из них вскоре начнет удивлять окружающих изменившимися привычками и вкусами, иной манерой речи, другой пластикой движений...

Хватит, надоело получать в своем странствии по телам лишь удары да выстрелы в упор. Попробую, наконец, как живут богатые хозяева жизни... Путешествие предстоит увлекательнейшее, ни один туроператор такого не предложит. Кстати, не стоит заикливаться лишь на мужских телах. Можно, например, детально прояснить вопрос, чем женский оргазм отличается от мужского...

А когда все удовольствия тела прискучат – а они, наверное, быстро меня утомят – займись чем-нибудь более глобальным. Политикой и экономикой, например. В планетарных масштабах.

Заманчивые перспективы – будь у меня голова, точно бы закружилась от необозримых возможностей. Завидное посмертие, что ни говори, не у каждого так получается.

Смерть удалась!

2017

Голубой квадрат неба

Пролог

Глубокая ночь. Одинокая машина на загородном шоссе. Фары вспарывают темноту как скальпель. Как световой скальпель джедая, увлекшегося на досуге патологоанатомией. Рукоять джедайского скальпеля – «хонда-цивик», недавно разменявшая второй десяток. Не окончательно еще превратилась «ведро с гайками», но процесс превращения зашел далеко.

Водитель – парень лет двадцати пяти – в салоне «хонды» один. Голос Шнура из динамиков – не слишком громко, просто чтобы не задремать. И все равно клонит в сон. Визуальных впечатлений почти нет: монотонно мелькают обочины, изредка появляются на них дорожные знаки, издалека видимые, светящиеся отраженным светом – неприятным и неживым, словно вдоль дороги растут гигантские поганки-люминофоры на тонких ножках.

Фары выхватывают из темноты фигуру человека, стоящего на обочине. Но какую-то странную фигуру... Голова... Что у него вместо головы? – недоумевает водитель. Нога перестает давить на газ, но тормозить парню тоже не хочется. Он всего лишь пытается понять, что же такое видит...

Будь владелец заслуженной «хонды» более подкован в гуманитарных науках, – наверное, сразу бы подумал о древнеегипетских богах. О жутковатых созданиях, сочетающих тело человека с головой птицы или собаки.

Но парень в науках не искушен. И думает проще: «Что за хренотень...»

Руку, вытянутую в останавливающем жесте, водитель игнорирует. Еще чего... Все его внимание сосредоточено на непонятной мохнатой голове.

Загадочный силуэт мелькает за боковым стеклом, совсем рядом. И опасливое недоумение водителя тут же исчезает без следа.

Кот!

Всего лишь кот, устроившийся на плече своего хозяина. Вернее, хозяйки... Парень толком не рассмотрел ее, вглядываясь в загадочную голову, оказавшуюся вовсе не головой. Но успел понять, что на обочине голосует женщина.

Нога жмет на тормоз. Возможно, водитель испытывает некое чувство благодарности за то, что странная заморочка разъяснилась легко и буднично. Или просто любит кошек.

«Хонда» останавливается. Водитель смотрит в зеркало. Никого не видно, далеко укатил, пока сомневался, тормозить или нет... Решает проехать полсотни метров задним – и не успевает воплотить решение в жизнь.

Пассажирская дверь распахивается. Он изумлен – как? когда успела выдать рекордный спринт?

Через мгновение изумление сменяется другим чувством, – когда водитель в тусклом освещении салона видит, *кого* он решился подвезти...

Он выкатывается из «хонды» и бросается в ночь. Стремглав пересекает проезжую часть, спрыгивает в кювет, каким-то чудом не сломав и даже не подвернув ногу, карабкается по откосу, затем долго несется не то по полю, не то по пустырю, покрытому кочками и рытвинами, споткнуться и упасть здесь плевое дело, но он не спотыкается и не падает. Потом нога все-таки за что-то цепляется, водитель валится лицом вниз. Кровь грохочет в ушах и кажется, что это топот погони.

Но его никто не преследует. «Хонда» уже развернулась и покатила обратно – туда, где горизонт подсвечен огнями огромного города.

До рассвета остается несколько часов.

Глава первая. Не прячьте ваши денежки по банкам и углам

1.

Систему «Банк-Клиент» пришлось устанавливать на компьютер заново. А недолго время спустя придется вновь снести. Не слишком-то удобно, но рисковать Кристина не привыкла. Муж к ее компу никогда не подходил, даже через плечо не заглядывал: чем там благоверная занимается? Но в жизни случается всякое, и впустую рисковать она не желала.

Вдруг ее не будет дома и что-то случится сразу с обоими ноутами Михаила, а ему срочно понадобится выйти в Сеть? Мобильные устройства он не любил за их крохотные экранчики, но по беде конечно бы воспользовался. Однако банкиры – люди консервативные, по меньшей мере в этом отдельно взятом банке... В корпоративный «Банк-Клиент» можно зайти лишь при помощи одного-единственного браузера, старого доброго Internet Explorer, причем не с мобильных версий, а с тех, что на планшет или телефон не установить.

И что бы Михаил сделал при поломке своих ноутов? Он в таком гипотетическом случае наверняка воспользовался бы техникой супруги... Поставить пароль недолго, разумеется, но сразу возникнет вопрос: с чего бы? Пятнадцать лет не ставила, а тут вдруг...

Скинутые с флешки файлы распаковались, на рабочем столе компьютера появился значок с логотипом банка, она кликнула по нему.

Вскоре браузер доложил: сертификат данного веб-узла либо просрочен, либо отсутствовал изначально, – так что пользователю настоятельно рекомендуется покинуть страницу и не связываться с этим крайне подозрительным узлом.

Она проигнорировала предупреждение, выбрав опцию «продолжить открытие веб-узла». Все правильно, это всего лишь первый, самый простенький слой защиты, – от людей, случайно заскочивших сюда в странствиях по Интернету. Чтобы не баловались, пытаюсь подобрать пароль...

Экран окрасился серым. В центре появились два окошечка и клавиша «Авторизоваться». Она ввела две последовательности из десяти цифр каждая, кликнула по клавише. Недолгая пауза показалась бесконечной. Сейчас в ее действиях появился неизбежный риск... Если пароль сменился, сообщение о попытке введения неправильного пароля тут же уйдет к владельцу счета. Как она предполагала, вместе с координатами точки входа.

Конечно, и эта проблема вполне решаемая. Для других. Она лишь теоретически представляла пути решения: тайно купить ноут, избавиться от опеки охранников, устроиться на лавочке где-нибудь в городском дворе, присосаться к чужому незапароленному wi-fi... Но если регулярно, раз в неделю, в один и тот же день, избавляться от охраны, то... Ничем хорошим не закончится. Она надеялась на консерватизм Михаила, никогда и ничего без веских причин не менявшего. «Не чини, что работает», – любит он говорить. А еще: «Лучшее враг хорошего...»

Авторизация прошла успешно. «Вас приветствует система ДБО BS-Client АКБ „Техстройпромбанк“», – сообщил экран. «Вас» означало человека с абсолютно неизвестными ей фамилией и именем: Эдгар Соловьев. И не просто Эдгар, а Эдгар Макарович.

Ей иногда при виде таких анкетных данных представлялся алкоголик Макар Соловьев, неделю не просыхающий после рождения чада – и работницы ЗАГСа, расшифровавшие как «Эдгар» его пьяное мычание... А иногда представлялась мадам Соловьева, подсевшая на мыльные оперы и именно из них позаимствовавшая имечко для сына.

Но как бы ни заполучил Макарович свое имя, несомненно одно – где-то такой человек и в самом деле существует. Но едва ли подозревает о счете в «Техстройпромбанке», распорядиться

которым номинально имеет полное право. Реально счетом фирмы управляет Михаил, де-юре никаких прав не имеющий.

Тем временем виртуальный банкир попросил подготовить носитель с ключами СКЗИ. Носителем была все та же флешка. Как Кристина раздобыла записанные на ней данные – эпическая история, способная составить сюжет нескольких глав авантюрного романа. Цифры логина и пароля она заполучила относительно легко, незаметно установив в нужной точке камеру с хорошим разрешением. А вот скопировать ключи и электронную подпись... О, то была самая настоящая шпионская операция: с акцией отвлечения внимания, с хронометражем, выверенным тщательно, до секунд.

Она кликнула по клавише «Дальше» и оказалась в личном кабинете Интернет-банка. Не в своем, разумеется. В принадлежащем ООО «Сириус», генеральным директором именно этой организации числился господин Эдгар Соловьев. Но если у гендиректора имечко было запоминающимся, то с фирмой дело обстояло с точностью до наоборот: Михаил как-то под настроение растолковал, что для коммерческой структуры космическое название «Сириус», «Вега» или «Альтаир» – все равно что для человека фамилия Петров, Смирнов или Кузнецов. Легко затеряться в толпе однофамильцев.

Нажимая виртуальную клавишу «Сформировать выписку», Кристина хорошо представляла, что сейчас увидит. Сумму, поступившую на счет в пятницу. За год с лишним еженедельный платеж не поступал лишь дважды...

А через сутки деньги уйдут со счета. Уйдут в ООО с таким же безликим названием. Не все, за вычетом четырех процентов. Четыре процента могут оставаться на счету несколько дней, но тоже уйдут: или на счет основной фирмы Михаила, или куда-то еще, получатели бывали самые разные. Из этого же остатка банк в конце каждого месяца удерживал оплату за расчетно-кассовое обслуживание.

Других движений средств на счету ООО «Сириус» не случалось. Никогда. Судя по всему, и счет, и фирма только для того и предназначались – получить деньги и переслать их дальше.

Кристина могла сейчас воспользоваться пришедшей в пятницу суммой – обладая правом электронной подписи, можно заслать деньги куда угодно. Но как это сделать, не засветив конечного получателя, она не представляла даже теоретически. У нее имелся другой план.

Кристина знала, что сейчас увидит в сформированной выписке. Но не имела понятия о конкретной цифре, суммы на счет «Сириуса» приходили разные. От пятисот тысяч до... Верхний предел она не знала, но ждала по-настоящему большое поступление. Вот уже три с лишним месяца ждала... Ее план сработает один-единственный раз, и размениться на мелочевку не с руки.

Шапка выписки появилась на экране. Кристина медленно крутила колесико мыши, ощущая себя охотником, проверяющим капкан, или рыбаком, вытягивающим из реки снасть: что попалось сегодня? Захудалый ёршик или громадная щука?

Сумма в графе «Оборот по кредиту» заставила зажмуриться. Открывала глаза она медленно-медленно... Цифры никуда не исчезли.

Пульс грохотал в ушах. Лежащая на мыши ладонь мгновенно вспотела. Кристина несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула и лишь после этого смогла сосчитать нули.

Ей попался не ерш. И даже не огромная щука. Чудо-юдо рыба-кит, по меньшей мере...

Теперь главное – не упустить добычу. Увы, на первом этапе от нее ничего не зависело. Один шанс из трех, что чудо-рыба не улизнет, не исчезнет в мутных волнах финансового моря. Два дня придется ждать, какой стороной упадет монета... Странная монета с тремя сторонами. Или не менее странный кубик с тремя гранями.

Один шанс из трех – очень много, любой игрок в рулетку может лишь мечтать, чтобы шарик останавливался на выбранном номере с такой вероятностью...

Но вероятность проиграть – два шанса из трех – еще больше.

2.

С Михаилом она познакомилась четырнадцать лет назад... Кристине шел двадцать первый год, но наивной девочкой она себя не считала... Совершенно необоснованно, как выяснилось, не считала.

Но тогда она казалась сама себе образцом здравомыслия и практичности по сравнению со сверстницами-подружками. Родилась Кристина Королёва в маленьком райцентре и оттуда же поехала покорять Питер – но не сразу после школы, как несколько ее одноклассниц. На дворе стояли девяностые, веселое время, названное после лихим, все преграды и препоны казались рухнувшими, а возможности – безграничными, и тихвинские глупышки считали, что их молодости, красоты и напора вполне хватит, чтобы многого достичь в северной столице.

Ну-ну... Кажется, лишь одна из того девичьего десанта сумела зацепиться – вышла в Питере замуж, родила двоих детей, но и та, уезжая, едва ли мечтала о муже-автомеханике и о карьере швей-мотористки. Остальные и такого скромного результата не добились: частью вернулись в родные пенаты, у двоих не вернувшихся дела обернулись скверно: Маша Голицына сторчалась и загнулась от передоза, а Соньку из параллельного (фамилию ее Кристина не помнила) зарезал по пьяни сожитель. Еще о двоих или троих ни слуху, ни духу, – но едва ли благодарствуют, иначе непременно вернулись бы в Тихвин похвастаться жизненными успехами...

Кристина выбрала другую стратегию. Получив школьный аттестат, не ринулась немедленно в большой город. Поступила в местный техникум, промышленно-гуманитарный. Название будущей специальности душу не грело: «Техническая эксплуатация и обслуживание электрического и электромеханического оборудования», фу-у-у, – и Кристина не собиралась ни дня работать техником. Но туда принимали без экзаменов всех желающих, а на «Экономику и бухгалтер» был хоть небольшой, но все же конкурс... Рисковать Кристина и тогда не любила.

После первого года досдала несколько дисциплин, перевелась на другую отделение, как раз на бухгалтерское, окончательно убедившись: она и премудрости электротехники – две вещи несовместимые.

Премудрости бухгалтерии, балансы-дебеты-кредиты, тоже оказались невероятно скучными, но все же более понятными. До выпуска дотянула, в лучших ученицах не числилась, но диплом есть диплом. Разумеется, она не планировала похоронить себя в бухгалтерии какого-нибудь местного предприятия, да и не изобиловали там вакансии, честно говоря. Кристина получила диплом и немедленно уехала в Питер.

Ей исполнилось девятнадцать... Можно было не спешить, но и медлить не стоило. Кристина не без оснований полагала, что ее молодость и красота – капитал, способный принести больше дивидендов, чем корочки техникума и полученные в нем знания... Но капитал это расходный, и расходуется быстро. Тратить его на пустяки она не собиралась.

Кристина продолжила образование. Не в вузе, вуз никуда не убежит, а если все пойдет по плану, так и вообще не понадобится.

Она пошла в «Катюшу» – дипломы гособразца там не выдавали, но всерьез учили конкретным и полезным вещам, причем учили за деньги. Перековывали для рыночной экономики наплодившихся советских специалистов, ставших вдруг никому не нужными... Кристина выбрала специальность секретаря-референта, – разумеется, не претендуя на роль секретутки, услужливо раздвигающей ножки перед шефом. Несколько месяцев изучала делопроизводство и корпоративную этику, стала на «ты» с компьютером и прочей офисной техникой, подтянула английский – тихвинские преподаватели языков едва ли могли объясняться с иностранцами без переводчиков. И еще много чего изучила, вплоть до краткого курса делового макияжа.

И психология... Психологией Кристина занималась с особым тщанием – в «Катюше» давали самые азы, она записалась в две библиотеки, брала все книги, хоть как-то касающи-

еся взаимоотношений между людьми; многое в трудах теоретиков казалось заумным и весьма далеким от жизни, но кое-что весьма пригодились...

Обучение стоило дорого. За питерских соучениц платил центр занятости, ей же, как приезжей, пришлось выкладывать свои. Вернее, мамыны, та отнеслась с пониманием, помогала чем могла. Мама зарабатывала неплохо, зубные техники при любых кризисах остаются востребованными, – но неплохо по тихвинским меркам. В Питере родительской помощи хватало в обрез, на съемную квартиру не оставалось, ютилась на птичьих правах у дальних родственников. Попробовала подработать в ларьке, продавщицей, выдержала неделю – владелец, как выяснилось, считал своей собственностью все торговое оборудование, включая продавщиц. Она не отказалась бы замутив с бизнесменом, но не ларечного же уровня...

Вторая попытка оказалась удачнее – устроилась кассиром в Ольгино, в казино при мотеле-кемпинге. Платили немного, но представление о кое-каких реалиях российского бизнеса Кристина получила – о тех, которые на лекциях «Катюши» предпочитали не упоминать. Казино, похоже, принадлежало одной из группировок братков и служило никак не для извлечения прибыли, скорее для легализации денег, – клиенты не изобиловали и обязанности кассира много времени и сил не занимали.

На распределении сокурсницы старались перещеголять друг друга – у кого будет юбка короче и вырез поглубже. Работодатели, выбиравшие секретарш по экстерьеру, Кристину не интересовали, – и, поразмыслив, она надела юбку длинную, до каблуков. Мамину, на свою денег не было...

В результате выбирали не ее, она сама приглядела фирму в списке вакансий. Не слишком маленькую, но и не слишком большую (начальство не будет парить в заоблачных высотах, недостижимое для простых смертных), занимающуюся оптовой торговлей электротехникой (вот и пригодился первый год в промышленно-гуманитарном).

Получить желаемое не составило труда. Ее козыри: бухгалтерский диплом, справка об изученных электротехнических дисциплинах, опыт работы кассиром, – били влет все вырезы и разрезы конкуренток.

Первый барьер был взят. Кристина стала офис-менеджером – никаких секретуток! – в фирме «Орион».

О том, что фирмы с такими названиями являются своеобразной визитной карточкой Михаила, она, разумеется, не знала.

3.

Сумма завораживала. Нули, выстроившиеся в длинную шеренгу, буквально гипнотизировали Кристину. Надо было выходить из системы и стирать ее из памяти компьютера, но она медлила... Оцепенела, застыла. Казалось: сделает движение мышью, уберет это чудо с экрана – и никогда, ни в каком виде больше его не увидит.

От участи жены Лота, оглянувшейся на финансовый Содом, ее спас Дарт Вейдер, или попросту Дарт. Запрыгнул на колени, бросил презрительный взгляд на экран, потянулся лапой к клавиатуре... Что за ерундой тут занимается хозяйка, когда кот до сих пор не накормлен?

Она очнулась. Аккуратно и ласково сняла с колен семикилограммового зверя, затем быстро совершила необходимые манипуляции: закрыла систему, затем стерла «Банк-Клиент», не забыв удалить файлы из корзины, в журнале посещений браузера ликвидировала все следы сегодняшней прогулки по Интернету.

Кристина хорошо понимала, что может что-то не предусмотреть, на чем-то проколоться, – знаток компьютеров из нее аховый, полученные в «Катюше» познания давно и безнадежно устарели, а все минувшие годы у нее не было нужды подниматься над уровнем «юзер-

чайник». В последние месяцы она лихорадочно занималась компьютерным самообразованием, но без особого успеха, поезд ушел слишком далеко...

Зеленые глазищи Дарта внимательно наблюдали за действиями Кристины. Был он трехлетним рыжим котом, с весьма независимым и гордым характером. Вот и сейчас – сидел рядом, следил неотрывно, но на то, что голоден, больше не намекал...

– Скоро мы отправимся путешествовать, малыш, – сказала ему Кристина, направляясь за порцией кошачьего корма. – Уедем далеко-далеко и построим свой дом...

Михаил кота не любил. Она подозревала, что не любил, – свои чувства супруг умел скрывать очень хорошо.

Глава вторая. Не прячьте ваши денежки, иначе быть беде

1.

Фирма «Орион», куда она устроилась после «Катюши», была молодой. И по сроку своего существования, и по возрасту сотрудников.

За рабочими столами сидели парни и девушки, все по двадцать с хвостиком – и из всех сил старались выглядеть солидными менеджерами. Прочий персонал примерно того же возраста. Оба директора, генеральный и коммерческий (или исполнительный? сейчас Кристина уже не помнила...) – чуть постарше, примерно по тридцатнику. Единственное исключение – главбух Нина Ивановна, той исполнилось пятьдесят, юбилей справляли спустя две недели после появления Кристины. Но деньги в фирме крутились очень даже приличные. По ее тогдашним меркам, разумеется.

Разумеется, корпоративы в «Орионе» проходили весело – в коллективе молодых людей, по большей части холостых и незамужних, иначе и быть не могло. Кристина на этих вечеринках, начатых юбилеем Нины Ивановны, заслужила у коллег мужского пола прозвища «Снежная Королёва» и «Динамо». Ей было все равно. Служебные романы с молокососами в ее планы не входили.

А вот директора... Куда более интересный вариант. Вернее, два варианта. Оба были женаты, но чему в наше время сей факт мешает и кого останавливает?

Кое-что в этом направлении она предпринять успела... А потом встретила Михаила.

Первая встреча не запомнилась... Кристина даже не поняла, что за человек вошел в офис: рост средний, внешность средняя, одет неброско. Быстро проследовал в комнату для переговоров, она решила: очередной клиент, из постоянных, судя по тому, как уверенно держится...

Потом-то она пригляделась к той самой неброскости и убедилась: кургузый пиджачок Михаила – из самой последней, весенней, коллекции популярнейшего модельера и именно так, слегка кургузо, должен смотреться (через полгода фасон докатился до питерских бутиков, а еще позже заполонил вещевые рынки, но Михаил к тому времени, разумеется, носил другое). А слегка потертый портфель, небрежно зажатый под мышкой, – не из поддельной крокодиловой кожи. Из натуральной. И стОит... да уж наверное не меньше, чем вся одежда на сотрудниках «Ориона», причем вместе с аксессуарами.

Тогда, в первый раз, она не заметила эти детали, неброские, но знаковые. И никак не связала визит Михаила (и его портфель) с тем фактом, что в конце рабочего дня выдавали зарплату. Платили в «Орионе», разумеется, «серыми», как в те годы повсеместно было принято – меньшая часть по ведомости, под роспись, большая часть в конверте.

Спустя две недели визит повторился. Как раз под аванс... Она опять ничего не поняла. В комнату для переговоров, где вновь обосновался визитер, сначала зашли оба директора, вдвоем, затем к ним присоединилась главбух, а когда Нина Ивановна вышла, то пригласила туда же начальника отдела маркетинга и одного из менеджеров... В принципе, ничего странного, если ведутся переговоры о крупной сделке – сначала достигается договоренность с руководителями, затем ставят в известность непосредственных исполнителей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.